

Ольга Гаврилина

Несемейное

СЧАСТЬЕ



Уютный детектив

Уютный детектив

Ольга Гаврилина
Несемейное счастье

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гаврилина О. М.

Несемейное счастье / О. М. Гаврилина — «Эксмо»,
2020 — (Уютный детектив)

ISBN 978-5-04-107893-5

Красивая хозяйственная жена, муж-военный с белозубой улыбкой, очаровательная дочка – казалось бы, рецепт идеальной семьи. Но если бы все было так просто, журналистка Лола, которая прославилась на всю Италию репортажами о самых громких криминальных происшествиях страны, осталась бы без работы. Жена исчезла, муж безутешен, весь городок Черенова - от военной части до местного ночного клуба - переполнен жуткими слухами. Видимо, Лоле снова предстоит броситься в самую гущу событий, обходя конкурентов на поворотах.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-107893-5

© Гаврилина О. М., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1 | 6 |
| Глава 2 | 13 |
| Глава 3 | 20 |
| Глава 4 | 22 |
| Глава 5 | 25 |
| Глава 6 | 30 |
| Глава 7 | 34 |
| Глава 8 | 37 |
| Глава 9 | 39 |
| Глава 10 | 43 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 44 |

Ольга Гаврилина

Несемейное счастье

Все совпадения с настоящими именами и реальными событиями случайны и являются фантазией автора.

Глава 1

– Всем сми-и-рно! Равняться на меня!!! – из коридора раздался хрипловатый голос майора, известного своими недалекими казарменными шуточками.

– Какого черта!

– Как он вошел?! Разве уже открыли основной вход?

– Да что он себе позволяет! – наперебой затараторили девушки.

– Кто впустил в гримуборные?! – Ирена схватила одну из туфель, стоявших прямо на столике перед зеркалом, и нацелилась ею на дверь.

Возмущению девчонок не было предела, но тут в дверном проеме показалась кудрявая ангельская головка Оксаны.

– Опять попались? – Она заливисто захохотала.

Оксана, стройная красавица, обладательница льняных локонов и высокой натуральной груди, что было редкостью у клубных девушек, смешливая сама и любившая подшутить над другими, часто разыгрывала подруг, очень умело поддельвая голоса военных, посещавших их ночной клуб. Особенно ей удавалось сиплое гавканье известного всем майора, который, заходя в зал, громыхал одной из своих вечных фраз: «Сми-и-рно! Девчонки, ко-о-о мне! Р-р-авняйсь!»

Уже подзабыв предыдущую шутку Оксаны, девушки впали в ступор от наглости военного, который, как они подумали, приближался к их грим-уборным.

В очередной раз Оксане удалось всех провести, и, отсмеявшись, она все еще довольно улыбалась.

Конечно, трудно было представить, что из невинного, пухлого, почти детского рта мог вырваться такой грубый мужской голос. Всех поражало это полное несоответствие наивной внешности Оксаны с клокочущим рявканьем, которое она так удачно воспроизводила, каждый раз пугая и смешая подружек.

Ирена, девушка с внешностью черноволосой Дианы-охотницы, с сожалением вернула обувь на столик, где обе «лодочки» возвышались над баночками тона, палетками с разноцветными тенями и разбросанными кисточками, среди которых стояла еще и коробка конфет, упакованная в золотые бумажки с красной поперечной полоской.

– Слушай, я от возмущения хотела ему «шпилькой» прямо в лицо запустить, когда в двери появится. Ты, конечно, рисковала здорово! Могла бы в тебя попасть! – сказала Ирена, разворачивая очередную конфету.

– Но это того стоило! Чтобы увидеть ваши вытянутые физиономии! – Оксана победоносно оглядывала все еще не отошедших от удивления девчонок.

– А ты тоже, сразу туфли метать! А если бы и правда это был майор, в глаз бы ему угодила? – Курносая светленькая полька покосилась на тонкие высоченные каблукки, отражающиеся в трельяже Ирены.

– Нашла за кого волноваться! Попадешь ему в глаз, как же, когда у него из всего туловища один живот, – не уступала Ирена.

– Я каждый раз прямо дергаюсь от этого окрика, и как тебе это удастся? Один в один наш майор! – сказала миниатюрная, стильно подстриженная болгарка, умудряясь одновременно подкрашивать губы.

Кудрявую блондинку Оксану любили все, что было редкостью в ночных клубах. Все знали ее историю – она приехала в Италию из украинского города Николаева – и по-женски сочувствовали. Знали, что работает без документов, и всегда помогали первой смыться через запасной выход, если появлялась полиция с проверкой. Ирена, единственная итальянка в клубе,

стала ее подругой и взяла Оксану под свое покровительство, хотя и была на несколько лет моложе.

Клуб был, что называется, «чистым» и ограничивался одним общим залом без отделений для частных танцев. Хозяин сам подбирал танцовщиц, сам отсматривал их номера и не поощрял встречи с клиентами вне работы. После присоединения Румынии, Польши и Болгарии к Евросоюзу клубы наполнились девушками из этих стран, и «Черный кот» не стал исключением.

Хотя гримерки, где они готовились к выходу, были переделаны из части коридора, там имелись современные столики с маленькими ящиками для косметики и удобные зеркала. На стенах, выкрашенных в нежно-персиковый цвет, висели литографии с видами Италии; темные, с гнутыми ножками стулья «под старину» заполняли почти все пространство, оставляя узкий проход к двум длинным стойкам в дальнем углу, на которых висели костюмы для варьете. Хозяин по праву гордился своим клубом, знал о проблемах и трудностях всех девушек и по возможности пытался помочь, что очень ими ценилось.

– Уже объявили, какие номера сегодня будут работать? – спросила Ирена.

– Пока нет, – откликнулась одна из болгарок.

– Что-то ты бледная сегодня, хорошо себя чувствуешь? – поинтересовалась Оксана у Ирены, которая выглядела потерянной и осунувшейся.

– Голова чуть побаливает, а так нормально. Ну и работать не хочется. – Ирена угрюмо рассматривала себя в зеркале. – А я слышала, что сегодня пара цирковых приедет, муж будет в жену ножи метать. Помните, они уже были у нас?

– Помним, конечно, – Оксане очень нравился этот номер, – но сегодня же не суббота и не воскресенье, вряд ли Роберто пригласил их в будни.

– Не будет сегодня никаких цирковых и военных, никого не будет! – очень уверенно заявила миниатюрная болгарка, перейдя от губ к глазам и вырисовывая темную полосу на веке.

– Это почему же военных-то никого? – удивилась Кристина, румынка, похожая на жгучую цыганку. Сходство дополняла колода карт, которую она раскладывала на столике, беззвучно шевеля ярко накрашенным ртом.

– А что, никто не знает? – удивленно распахнула ресницы курносая полька. – У Паролизи жена пропала, вроде они искать помогают. Я сегодня в бар заходила, который в парке, мне барменша рассказала.

Девчонки заволновались. Все знали высокого, хорошо сложенного майора, да и его жену Меланью многие видели в городе, гуляющую с дочкой.

То, что Паролизи часто навещался в «найт-клуб», никого не смущало. Многие военные, работающие в части неподалеку, вечерами посещали клуб «Черный кот», а днем по выходным спокойно прогуливались с супругами и детьми, изображая примерную семейную жизнь. По большому счету эти посещения ничего не значили, тем более что клуб считался «чистым». Но женам об этом все равно предпочитали не докладывать и с удовольствием находили «отдохновение» в крепких коктейлях, в рассматривании танцующих тел и в разговорах с миловидными девушками.

– А мне соседка сегодня сказала. Только я думала, что уже появилась Меланья-то. Уж больно странно пропала: пошли они всей семьей с ребенком в парк погулять, она захотела в туалет, ну и кофе попить заодно, направилась в бар – там буквально метров четыреста, если напрямик, от того места, где детская площадка. И все, и не вернулась. – Миниатюрная болгарка закончила гримироваться и удовлетворенно улыбнулась своему отражению.

– Вот это да! – не выдержала Оксана, ее всегда поражали такие случаи. Да и чтобы в Николаеве что-то подобное происходило, она не помнила.

– Барменша мне сегодня рассказывала, как Паролизи приходил, разыскивал Меланью, расспрашивал, а она в баре-то и не появлялась. Не дошла, значит, сгинула по дороге! – Полька усиленно захлопала ресницами, выражая недоумение.

– Красивая у него жена. Неужели сбежала? – полюбопытствовала Оксана.

– Обычная и не очень-то умная, – вступила в разговор Кристина, ярая ненавистница жен и семейной жизни, несмотря на то что единственная среди девушек была замужем.

– А ты откуда знаешь? – спросил кто-то с другого конца гримерки.

– Да мне Ирена сказала.

– Ну если Ирена, тогда, конечно, и кому знать, как не ей: Паролизи только с ней и консультируется. Надо же наболтать, как ему тяжело живется с тупой супругой. Ничего ж другого не придумаешь, если жена красивая и молодая. – Болгарка считала себя знатоком мужских душ.

– Ирен, а ты чего молчишь, ты ж его действительно лучше всех знаешь, – не отставала Кристина. – Ой, да ты бледная какая, плохо тебе?

– Да ничего не плохо, устала просто, – недовольно протянула Ирена.

– Это та женщина с черными прямыми волосами и в солнечных очках, что вечно ходит с маленькой девочкой? Это Меланья? – поинтересовалась Кристина.

– Ну да, эта, – процедила Ирена и развернула конфету.

– Действительно эффектная, – подтвердила курносая полька.

– Кто-то там ляпнул по поводу того, что, мол, «сбежала». Но если у нее дочка, как мать может без девочки сбежать? Да и Паролизи – нормальный хороший мужик и вроде не жадный. А Ирен? – не унималась миниатюрная болгарка.

– Бывает, сбегают и детей бросают... – не отступала Ирена.

– Где это бывает, не слышала никогда. Да и Паролизи...

– Заладила «Паролизи, Паролизи», – перебила болгарку Ирена, блеснув глазами, – в каждой семье свои проблемы.

– А это верно, – легко согласилась та, увидев, что Ирена уже на взводе.

– Мы тут болтаем, болтаем, а времени-то прошло всего ничего, даже журналисты еще не пронюхали. Может, вернется еще. Может, отошла куда к подруге, – успокоила всех Оксана.

– Я с барменшей разговаривала где-то часов в пять, Паролизи уже заходил, про жену спрашивал и даже ребенка ей оставил на час, чтобы быстрее по парку пройти, Меланью поискать. Если сегодня до ночи не найдется, то покажут, наверное, и по телевизору.

– А что, сегодня разве передача «Их кто-нибудь видел?»?

– Нет, завтра.

– Ну так завтра и покажут, и то, если родственники обратятся.

– Я уж и не знаю, кто там должен обратиться и куда, только эта журналистка с пятого канала наверняка уже сегодня вылезет в дополнение к ночным новостям, если, конечно, Меланью не найдут, – недовольно пробормотала Ирена.

Оксана прислушалась к разговору, ей нравилась эта журналистка – везучая! «И как она всего добилась!» – думала Оксана, глядя, как стройная, длинноногая девушка с длинными светлыми волосами и пронзительным взглядом серо-зеленых глаз, стремительно передвигаясь по телестудии, раскручивает события очередной детективной истории. Она знала, что журналистка была русского происхождения, что она довольно давно приехала в Италию и что зовут ее Лола. По-русски ее имя читалось как Оля, а исковеркали его сами итальянцы, чтобы было легче произносить, так как буквы «я» у них попросту нет.

Оксана завидовала ей всеми завистями, которые существуют на свете, и часто воображала себя на ее месте.

А как на Лолу смотрели приглашенные ею же на программу! Особенно мужчины. И вовсе не с вожделением, как обычно смотрят у них в клубе, а с обожанием и страхом! А какая уверенность в себе! Она именно «вела» программу, как капитан ведет корабль, рассекая бушующие

волны проблем и криков итальянской публики. Как запросто она «строила» вечно перебивающих друг друга психолога и криминолога, практически поселившихся на передаче «Их кто-нибудь видел?»! А как умело выявляла необычные новости и события, которые порой открывали следствию совершенно другую, тайную сторону всего дела!

Складывалось впечатление, что Лола знала даже больше, чем полиция, она всегда опережала остальных журналистов, преподнося самые удивительные версии и гипотезы!

Удивляло еще и то, что вся передача шла в прямом эфире! А когда в ходе журналистского расследования находились новые свидетели или никому не известные вещественные доказательства, Лола давала такие головокружительные репортажи прямо с места событий, что Оксана потрясенно застывала перед телевизором, захваченная ошеломляющим действием, пораженная, что все это прямо сейчас происходит по ту сторону экрана.

– Добрый вечер. Все готовы? – как всегда без стука, в дверях появился Роберто, хозяин заведения. – Давайте на выход!

– Это правда, что военных сегодня не будет? – спросила Кристина, складывая карты.

– Точно еще не знаю. Говорят, что Паролизи попросил помочь с поисками жены, но скорее всего пойдут только его друзья в нерабочее время. Они же не могут вот так сразу, по щелчку, дать ему взвод солдат на ее поиски, – проговорил Роберто, придирчиво оглядывая девушек.

– Значит, не нашлась еще.

– Удивительно все это, пошел человек в туалет и не вернулся.

Все потянулись к выходу, тихо переговариваясь.

Зал заведения был отделан в венецианском стиле и, как говорится, «богато». Оксана успела поработать в Италии в нескольких ночных клубах и только в этом осела надолго. Здесь ей нравилось буквально все: и удобно расположенные мягкие бордовые диваны; и высокие белые каллы в разделяющих зал прямоугольных керамических вазах, и столики с гнутыми ножками; и фонарики из муранского стекла, как будто набранные из разноцветных кусочков; а главное – сцена, настоящая, профессиональная, с выдвигающимся «языком» и чудесным освещением. Ее не портили даже два шеста, закрепленные по сторонам, на которых позже ночью начинали крутиться стриптизерши, прекращавшие, правда, свою работу на время спектакля, и тогда ночной клуб превращался для Оксаны в настоящий театр. В действительности была какая-то несуразица в этой претензии на театральность, но хозяин заведения Роберто был бывшим оперным певцом, и этим объяснялось все. В далекой молодости он пел в хоре Римского театра оперы и балета и теперь обожал поболтать о тех прекрасных временах и прокомментировать сценические фотографии, которыми были завешаны стены его офиса, а высокую любовь к великому и прекрасному искусству перенес на свое заведение.

Оксана помнила, на каких сценах-пяточках, а то и прямо на полу среди столиков были вынуждены работать они в Николаеве, а потом и в Киеве, когда российская перестройка дошла и до них. Все захотели варьете в ресторанах на «европейский манер», даже не предполагая, что за границей вообще не найдешь ресторанов с варьете и что эти две вещи здесь разделены совершенно четко: если ты хочешь вкусно поесть, иди в ресторан, если развлечься – в найт-клуб или театр.

Для балетной труппы, где тогда работала девушка, это стало полной катастрофой, и киевская филармония в одночасье оказалась на грани краха. Всем перестали быть интересны балетные спектакли в стиле модерн, а тем более классические. Все, как по команде, ломанулись в рестораны, где разрешили стриптиз и топлес, и им пришлось срочно перекраивать программу и менять костюмы на более обтягивающие и открытые. Хотя раздеваться никто из них так и не согласился – сказались профессиональная хореографическая закалка и гордость балерины. Их выручили иностранные импресарио, которые рекой потекли в открытую страну и теперь могли заключать контракты уже напрямую, без «Госконцерта», который раньше забирал себе

всю выручку. Артисты соглашались работать за копейки, и их набирали «пачками». Так Оксана впервые оказалась в Италии.

В зале уже играла быстрая музыка, разноцветные лучи подмигивали и крутились, попадая на лица и слепя глаза. Все тут же вышли танцевать на «язык». Это правило, установленное хозяином – «первые полчаса должны танцевать все», – поднимало настроение, а гостям клуба давало возможность хорошо разглядеть девушек.

Открыли центральный вход, и к бару, как будто нехотя, подошли два широкоплечих клиента с военной выправкой, за ними подтянулась странная пара – низкий седой мужчина, опирающийся на трость, и молодой простоватый парень, который поддерживал его за локоть.

– Эй! Это к кому дедуля пришел? – танцует, крикнула Кристина, указывая головой на вошедшую пару.

– А мне кажется это твой вариант! – ответила ей одна из полек и забросила ногу так высоко, что чуть не разодрала узкую юбку. – Они же у тебя даже засыпают прямо в клубе!

Все засмеялись.

Никто не забыл тот случай, когда Кристину «консумировал» такой же старичок и, несмотря на шум и музыку, потихоньку заснул. Открыв глаза и увидев спокойно сидящую рядом девушку, он блаженно заулыбался, не понимая, что происходит и, видимо, приняв ее за темноволосого ангела. Однако, заплатив кругленькую сумму за консумацию, он быстро спустился на землю.

Хозяину было наплевать, спал клиент или танцевал, разговаривал или сидел молча, главное, чтобы он находился с девушкой («консумировал») и за каждые двадцать минут платил установленную сумму, пока не сообщал о своем отказе официанту. Только тогда тот закрывал счет.

Оттанцевав положенное время, девчонки расселись за двумя высвеченными в полутьме столами, предназначенными специально для них.

Известие об исчезновении Меланьи будоражило Оксану. Заняв свое место и приняв выгодную позу, заученным жестом она поправила упавшие на лицо светлые локоны. «Кто-нибудь еще знает про этот случай? А то ведь и в парк будет страшно пойти, если человек там пропал», – беспокойно подумала она.

– А я вообще не понимаю, почему такую панику навели, да еще сам Паролизи сразу побежал жену разыскивать, – произнесла болгарка. – Скорее всего гадость какую-нибудь ей сказал, а она развернулась и ушла, вот теперь носится и ищет ее.

– При чем тут «гадость»? Объяснили же тебе, что она в туалет захотела, ну и кофе заодно попить. Ушла и не вернулась. Вот и все. Тебе лишь бы на мужика все свалить, – бросила через плечо курносая полька и, увидев, как Роберто недовольно махнул головой в сторону посетителей, уже появившихся в клубе, подтянула повыше и без того короткое лимонное платье и зазывно улыбнулась, подтверждая, что она всегда помнит о клиентах.

– А там ведь недалеко совсем от детской площадки до бара. Куда можно деться? – все не могла уговориться Оксана.

– Скорее всего никуда, – категорично заявила болгарка.

– Ну а как же тогда? – растерялась полька. – Как представлю, что в нашем лесопарке человек испарился в радиусе каких-то трехсот-четырёхсот метров, прямо не по себе становится.

– Да кто испарился-то? Смешно даже! Именно такие, как эта Меланья, мужей и доводят, устраивая шоу с продолжением в домашних условиях. Отсидживается где-нибудь у родителей, строит оскорбленную, – не выдержала ненавистница семейной жизни Кристина.

– Успокойтесь уже, надоело! Заладили об одном и том же. – Ирена зло обвела их глазами.

– А чего злиться-то? – пожала голым плечом болгарка.

– А никто и не злится. – Ирена откинулась на спинку стула.

«Тяжелая артиллерия», как за глаза называли Кристину, отделилась от их столика и направилась к бару, где уже толпились клиенты. Красиво переставляя ноги и чуть прогнувшись, она шла как в замедленной съемке. Скинув по дороге легкую накидку, открывшую загорелые плечи и глубокий вырез черного платья, она прикидывала, кто из них «клюнет» первым. Незаметно подмигнув официанту, уже готовому в подтверждение того, что консумация началась, принести выпивку ей самой и выбранному ею мужчине, она тряхнула роскошными волосами, которые рассыпались и заблестели, расцвеченные разноцветными «светлячками», кружащимися по залу.

– Никогда не видела, чтобы ей отказали! И ведь меньше двадцатки за вечер не делает! – с восхищением сказала Оксана.

– Невелика заслуга, когда сама подходишь, – томно потянулась Ирена, – да и «палки» ей официанты приписывают.

«Палками» они называли отметки в специальной таблице, где против имени каждой девушки официантами ставилась одна черточка за «консумацию» и пять за заказанную бутылку виски или шампанского. Один штрих приравнивался к одному евро, а общая сумма набранных «палок» выплачивалась каждую неделю помимо основной зарплаты.

У стриптизерш была своя история и свой список, деньги им засовывали в трусики или бросали прямо под ноги, а что и как им записывали в книгу, Оксана даже не знала.

– Конечно, не каждый может себе позволить, как ты, сидеть и взглядом снимать кучу клиентов, да и потом, у тебя много постоянных, – вздохнула Оксана.

На самом деле, Ирена как бы находилась на особом положении. Она была единственной итальянкой в клубе, накрашенная походила на Кучинотту в молодости, могла заговорить любого посетителя, но позволяла себе и отказать в «консумации», что для ночного клуба было недопустимо, но ей почему-то сходило с рук.

– Ой, смотрите, а Кристинка-то и правда старичка выбрала! – хихикнула болгарка, указывая на цыганистую румынку, которая уже с бокалом шампанского в сопровождении пожилого мужчины и поддерживающего его молодого человека направлялась к дивану, стоявшему прямо напротив танцпола.

– Ой, да она что, танцевать с ним собралась?! – все не унималась болгарка.

– А ты смотри и учись, как работать нужно! – процедила сквозь зубы агрессивно настроенная сегодня Ирена, отпивая колу.

Заиграла быстрая музыка, и Кристина вышла на «язык» прямо перед столиком с гостями, задвигалась в такт, умело раскачивая бедрами и дергая головой, ее черные волосы то падали волнами вперед, то полностью открывали лицо.

Это не был приватный танец, так как она стояла на общем пяточке и ее могли видеть все, да и отдельного зала для такого рода утех в этом клубе просто не существовало. Конечно, девушки или «балерины», как они сами себя называли, получали здесь гораздо меньше, чем в клубах с приватными танцами, но благодаря военной части клуб существовал, и неплохо.

Старичок довольно улыбался и отбивал в такт ладонями. На следующей мелодии, еще сидя, он начал сучить ногами, но вскоре не выдержал и, опираясь на трость, полез на «язык» к Кристине.

Сопровождавший старичка молодой парень в растерянности попытался удержать его, но тот уже забрался на площадку и приседал под музыку, как обычно делают маленькие дети, услышав понравившуюся мелодию. Кристина сняла ремень с довольно увесистой пряжкой и, продолжая наяривать бедрами, закрутила им над головой как вертолетным пропеллером.

– Господи! Или он сам помрет здесь на месте, или она ему пряжкой залепит по голове! – заволновалась Оксана.

Старичок, однако, ухитрялся присесть как раз в тот момент, когда пряжка уже подлетала к виску и, ко всеобщему вздоху облегчения, пронеслась в миллиметре от его макушки.

Клиенты, стоящие у бара, с интересом наблюдали за происходящим, но появившийся Роберто махнул рукой, и музыку смикшировали.

Кристина усадила задыхающегося, но довольного дедушку.

– Шампань!

Как из-под земли у их столика появился официант с запотевшим ведерком.

– Вот как надо работать! Клиент теперь до конца вечера будет в себя приходить, а Кристина только шампанское заказывать! Хоть и не люблю ее, но мужчину снять умеет, – произнесла Ирена, повела плечом и развернулась к бару.

Оксане же понадобилось больше года, чтобы вот так, не глядя, молодой или старый, приятный или противный, выбирать клиентов, задумываясь только над тем, сколько «консумаций» они смогут сделать. Почти год, чтобы перестать доверять рассказам о больных или бессердечных женах, о тупом начальстве или ленивых подчиненных, чтобы не очаровываться мускулистыми и веселыми военными и полностью оставить надежду найти здесь мужа; и понять, наконец, что человек, посещающий ночной клуб, как правило, в чем-то ущербен, что смотреть на него надо как на пациента, который в лучшем случае не пошел к психологу, а выбрал тебя, чтобы выложить все свои проблемы, а в худшем – не взял проститутку, а захотел расслабиться в «найте».

Клуб медленно заполнялся посетителями. Группа полек, поняв, что на сидящих мужчины не обращают внимания, вышла на подиум, но танцевала лениво и скучно. Оставшиеся за столом девушки все еще обсуждали исчезновение Меланьи. Оксана понуро теребила золотой локон и прислушивалась к разговору – чувство неясного беспокойства подползало все ближе.

Роберто подошел к девушкам, чтобы назначить того, кто сегодня будет выступать на сцене, как вдруг в дверях показался Паоло Паролизи.

– Паролизи?! – поразила Оксана, приглядываясь к высокой фигуре военного, остановившегося в самом темном углу зала. – Разве у него жена не пропала? И что он здесь делает тогда?

Глава 2

Лола сидела дома, бестолково уставившись в компьютер, и думала о Пино. Почти две недели прошло с тех пор, как они виделись в последний раз. Ну почему ей так не везет!

Почему он работает далеко на севере? И, конечно, никто из них не бросит свое любимое дело. Хорошо, хоть мама живет рядом с Брешией. Он даже заезжал к ней на той неделе и они вместе звонили Лоле, смеясь и рассказывая каждый о своем, после чего она почувствовала себя еще более одинокой.

Они с Пино уже считались женихом и невестой, и на вопрос «sei sposata, fidanzata, single?», что означало: «ты замужем, помолвлена, одна?», она стала отвечать «фидансата». Правда, в Италии вот уже как лет двадцать не устраивали помолвок (ну может, разве что где-то в горах Сицилии) и статус «фидансата» означал только то, что Пино ее официальный мужчина, с которым знакомы ее родители и друзья. Таким манером можно было десять лет быть женихом и невестой и выйти замуж за другого, и это уже никого не удивляло.

После того как тайна исчезновения маленькой Беа была раскрыта, преступники оказались в тюрьме, а мать девочки, Анна, обрела новых родственников¹, Лола с женихом решили вновь поехать в Аверану (на юг Италии) на родину Пино.

После сумасшедше-напряженных рабочих дней Лоле дали целую неделю отдыха. К счастью, за это время нигде в Италии не произошло ничего из ряда вон выходящего, так что ее даже не дергали с канала.

Пино, получив выгодный заказ от швейцарцев, отдал пришедшие чертежи инженерам, и они попросили неделю на проработку. Так что ее знакомство с матерью Пино прошло в спокойной дружественной обстановке.

Мать Пино была по-настоящему довольна: «девушка-то не из простых, сама зарабатывает себе на жизнь, и неплохо, не похожа на «прилипалу». Конечно, чтобы только приблизиться к ее сыну, надо было уже иметь кучу достоинств, но в данном случае популярность Лолы сыграла свою роль. «Конечно, иностранка, как говорят в Италии, «*moglie e buoi dei paesi tuoi*» («жены и волю – из своей страны»), но пока о женитьбе речи не идет, а там посмотрим...»

Вся Аверана еще хорошо помнила, как Лола со своей группой с пятого канала носилась по городу, делала репортажи и брала интервью у жителей. Ее лицо не сходило с экранов почти целый месяц, а ее еженедельную передачу «Их кто-нибудь видел?» до сих пор продолжал смотреть весь город, хотя «Дело Авераны» давно было закрыто. Конечно, приезд известной журналистки и телеведущей в сопровождении «их» Пино в «их» город вызвал шквал пересудов, чему сама мама была необычайно рада и, как показалось Лоле, даже усугубляла эти разговоры своим молчанием (чем раньше никогда не грешила) и неоднозначными ответами. Закатывая глаза к небу, она будто бы говорила: «Ну это же одному богу известно, что там у них дальше будет, а пока приехала к нам в отпуск, видно, совсем не может без моего мальчика», – совершенно забывая, что «мальчику» уже под сорок.

Прожив три дня на семейной вилле Пино, Лола узнала много нового о привычках и традициях южных итальянских семей, но так и не поняла, что собой представляет его мать. Она была спокойна и доброжелательна, не лезла с разговорами и поучениями, а главное, не обижалась, даже когда они не являлись на ужин или валялись целый день на пляже, не забыв, правда, предупредить ее о своих планах.

Поведение матери Пино так не совпадало с ее свертрепетным отношением к сыну, что Лоле все время казалось, что вот-вот маскарад закончится и мама, отбросив привычную приветливость, встанет стеной на защиту своего ребенка от «самозванки» и попросту выгонит

¹ События описаны в книге Ольги Гаврилиной «Под итальянским солнцем».

ее из дома. И, несмотря на то что Пино не отходил ни на шаг от Лолы и в его черных, как сливы, глазах было море любви, она ежилась от колких взглядов его матери, брошенных как бы невзначай, когда они, обнявшись, смотрели телевизор в гостиной или когда, держась за руки, шли в спальню.

Отец Пино погиб во время работы на строящемся заводе в Таранто, придавленный цементной балкой. Сыну было всего три года, и мать воспитывала его одна, так и не выйдя еще раз замуж. К счастью, она не была озлоблена жизнью, что часто случается с одинокими женщинами. Возможно, этому способствовало то, что она получала хорошую пенсию за погибшего мужа, да и сама не сидела сложа руки. Характер у нее был твердый во всем, что не касалось ее «мальчика», и, только глядя на сына, она таяла, расплываясь в улыбке: «Главное, чтобы у Пино все было хорошо». Однозначно, она была типичной итальянской матерью своего «сыночка», о которых сложено так много анекдотов и баек, и по сей день продолжающих веселить всю Италию.

Странно, что при таком воспитании Пино не превратился в мягкотелого самовлюбленного эгоиста. Возможно, его спасло то, что он рано уехал на заработки на север, и на расстоянии материнская любовь уже не смогла так исковеркать его характер.

Три восхитительных дня провели они в Аверане. Стоял глубокий октябрь, но море еще не успело остыть, а пустынные пляжи манили теплым белым песком. Они забирались в нагретые солнцем дюны и целовались, и целовались до умопомрачения, а потом кидались в прохладные волны и опять распластывались между песчаными холмами. Ели тут же, в приморском ресторанчике, где за три дня не встретили ни одного обедающего.

Заказывали пол-литровый графин домашнего белого вина и огромную тарелку жаренных во фритюре «морских гадов». Поедали хрустящих осьминожек и мясистые спинки креветок и смотрели, как тихие волны накатывают на берег.

На второй день к вечеру пошел дождь, и за ужином они даже разожгли камин. Повяло грустной осенью, но мама своевременно удалилась к себе, а поленья трещали так уютно, что, прижавшись к Пино на мягком диване и глядя на стекающие по стеклу ручейки, Лола подумала: «Ну и что, что дождь, ну и что, что осень, а мне так хорошо!» – и поймала себя на ожидании близкой ночи любви.

Проснувшись утром, она обомлела: солнце как ни в чем не бывало светило ярко и весело, а птицы трещали и цокали на еще не опавшем инжире, что рос перед самым окном и ветвями касался подоконника.

Лола сладко потянулась и окончательно открыла глаза.

Дни, проведенные в гостях у Пино, были бы просто чудесны, если бы не постоянные попытки его мамы посвятить Лолу в тайнства своего кулинарного искусства. Собираясь делать на ужин меланзану², она приглашала Лолу на кухню и, не подпуская ее к сковородкам, постоянно задавала вопросы:

«А ты баклажаны жаришь на гриле? А чеснок кладешь? А как делаешь бешамель?»

Решив показать, как готовятся орекьетти³, она принялась ловко раскатывать тесто, не умолкая ни на минуту:

«А ты даешь тесту отлежаться? Потоньше раскатываешь или потолще? А с каким соусом делаешь?»

К счастью, не дожидаясь ответов, сама же продолжала:

«Лучше с брокколи, Пино больше всего так любит».

² Меланзана – блюдо итальянской кухни, фаршированный баклажан.

³ Орекьетти – паста в виде маленьких «ушек».

Апофеоз наступил, когда она надумала продемонстрировать, как надо стряпать чамбелли⁴ к завтраку. Вставшая по договоренности с мамой раньше обычного, Лола сдерживалась изо всех сил, чтобы окончательно не раззеваться и таращила еще сонные глаза, пока та управлялась возле печки, поставленной во дворе перед патио.

– А вино какое добавляешь, белое или красное? По мне, так красное лучше, дает темный оттенок и делает чамбелли более аппетитными на вид. – Скручивая толстые колбаски теста в крендель и выкладывая их на противень, она тарахтела, не останавливаясь.

«Слава богу, что не надо ничего отвечать, она болтает за двоих», – подумала Лола. Из всех итальянских кулинарных изысков, представленных мамой Пино, журналистка ничего делать не умела, для редких гостей покупала еду в соседнем ресторане, где была знакома с хозяйкой, а для себя предпочитала все виды больших салатов, которые ей никогда не надо-едали.

Представление под названием «Как надо готовить для мужа» подходило к концу, и чамбелли, уже поставленные в печь, зарозовели и поднялись, когда в саду показался Пино.

– Вот это да! Вижу ты решила поменять программу и начать новую передачу «Готовьте вместе с Лолой»! Ух ты, какая вкуснятина! – И он заглянул в прозрачную дверцу печки.

К завтраку накрыли в саду, мама торжественно принесла большую плетенку с горячими чамбелли и поставила в центр стола. Это был последний день пребывания Лолы в Аверане...

Лола давно мечтала о таком отдыхе вдали от суетного Рима, его сирен и тарахтящих мотоциклов. А то, что отпуск можно провести еще и с любимым, казалось ей чем-то из области фантастики. А тут все звезды сошлись! И все же... К концу третьего дня ей уже чего-то не хватало. Чего-то? Ну, конечно, работы! И ничего нельзя было поделаться, это была печальная реальность.

От воспоминаний ее оторвал громкий звонок. «Кто бы это мог быть так поздно?» – Лола взглянула на часы: 22.10. «Дана» – высветилось на экране телефона.

Дана, вездесущая и неутомимая, с неровной короткой стрижкой, что нечасто встретишь в Италии, где девушки предпочитают длинные волосы, и чем-то по энергетике напоминающая саму Лолу, была ее подчиненной и профессионалом высокого класса. Чуть-чуть не дотягивая до звания «подруги» в русском понимании этого слова, Дана работала не за страх, а за совесть. Заполучив в начальницы русскую, еще никому не известную журналистку, Дана, поначалу неприятно удивленная, вскоре смирилась и приняла ее как главную, продолжая, однако, вносить здоровую конкуренцию в их маленькую группу.

«Неужели что-то произошло, ведь Дана просто так тревожить не будет?» Им давно была нужна встряска. Вот уже месяц после «Дела в Аверане» Лола «мусолила и мусолила» на своей программе уже известные факты и происшествия, не имея никакой новостной подпитки. Конечно, прислушиваясь к голосу разума, она не хотела, чтобы в Италии пропадали люди, но это все равно периодически происходило, и их поиском наперегонки с полицией занималась их передача. И настолько удачно, что даже стражи порядка относились к ним с уважением, то и дело запрашивая отснятые материалы, не говоря уже о популярности у зрителей.

– Алло! – раздался взволнованный голос Даны. – Добрый вечер!

– Добрый! Что-то случилось?! Рассказывай! – Лола оживилась, сразу догадавшись, что дело касается работы.

– Есть интересный случай в Черенове. Сегодня днем семья пошла погулять с ребенком в парк, жена захотела в туалет. Пока отец качал девочку на качелях, женщина отошла в бар, кофе попить, ну и в уборную зайти соответственно. Отец ждал полчаса, час, жена не возвращается.

⁴ Чамбелли – итальянские молочные булочки.

Пошел разыскивать. Естественно, начал с бара. А она туда и не заходила. Как ты думаешь, стоит заняться? Или появится она, как это часто бывает, и выяснится, что просто поругались?

Лола переваривала информацию: «А если действительно пропала, и, кроме нас, никто не взял это дело, и мы его первые осветим? Да и нет сейчас ничего другого на горизонте, надо брать».

– В общем, действуем как всегда, – Лола приняла решение, – ты готовь на их семью любую информацию, какую сможешь найти, а я... Как считаешь, поехать в ночь или до завтра подождать?

– А черт его знает... Удивительно то, что от бара до детской площадки напрямую через кусты четыреста метров всего, а по дорожке не более шестисот. Потом, все днем происходило... – Дана замолкла, раздумывая. – Парк, правда, не похож на ухоженный сад с клумбами и подстриженными газонами, а скорее напоминает рощу, которая дальше переходит в настоящий лес и упирается в стену военной части. А самое главное, что Паролизи, муж пропавшей, майор, уже обратился в полицию и даже просил военных помочь с поисками! Так что, как видишь, странностей много, да и мужчины такого типа не рванут за помощью, если жена каждую неделю скандалит и обещает уйти.

«Молодец, Дана, столько уже узнала!»

– Ты права. Поеду прямо сейчас. Но тогда и Стефано должен прибыть с камерой. Если уж ехать в ночь, то и снимать надо сразу же. Позвони ему, пусть на место подъезжает.

Стефано, высокий, худой, немного стеснительный, был ее вторым помощником и оператором. Симпатизируя друг другу с первых дней совместной работы, они очень быстро перешли на дружескую ногу. Подтрунивая один над другим, что здорово способствовало разрядке в сложных ситуациях – а в профессии журналиста они возникают сплошь и рядом, – Лола и Стефано начали, как говорится, «дружить семьями», хотя в официальном браке никто из них не состоял.

Лола отключилась от Даны и уже прикидывала, что надо бросить в дорожную сумку. Положив на дно пару туфель, задумалась: «Еду в лес, зачем мне туфли? Но ведь неизвестно, насколько это затянется. – Лола покосилась на высокие каблуки и, словно застыдившись, прикрыла их теплым свитером: – Сейчас надену кроссовки, а туфли пусть будут».

«Снимать надо в темноте, чтобы зловеще получилось, – прикидывала Лола, продолжая собираться. – Надеюсь, что есть там кто-то, кто еще не спит и обсуждает происшедшее». И она представила темные, шевелящиеся от ветра кусты, черные стволы деревьев и узенькую дорожку, ведущую к бару.

Она бывала в Черенове пару лет назад, это был город, каких мало в Италии – без истории и старинного центра с неизменным фонтаном. Он начал застраиваться после войны, и пик его развития пришелся на семидесятые годы. Дома, низкие у моря, ближе к центру городка становились все выше и доходили до пяти-шести этажей, почти все – серо-цементного цвета, и даже черепичные крыши и вьюны с фиолетовыми цветами не придавали облику Череновы обычной веселости приморских поселков. Стараясь воскресить в памяти лесопарк, находящийся на окраине, Лола настраивалась на работу. «Хорошо, что ехать недалеко, за сорок минут доберусь. А завтра снимем еще и при солнце, ну и интервью со свидетелями сделаем. Надеюсь, что и Дана к утру что-нибудь накопает».

Лола спустилась в гараж и вывела машину на пустую улицу. Как и предполагала, она доехала очень быстро.

Сквозь развесистые кусты она увидела светящиеся огни бара.

«Отлично! Значит, открыт. Может, и Стефано уже подъехал».

Лола снизила скорость до минимума. Детской площадки видно не было, значит, она в стороне, а не на дороге. Журналистка вглядывалась в проплывающие мимо деревья, поняв, что едет тем же путем, по которому шла Меланья и откуда она пропала.

«Полицейских машин пока не видно, и это тоже хорошо. Хотя с какой стороны посмотреть, значит, не сочли нужным рыскать в темноте, значит, предполагают, что очередная ссора в семье и что Меланья вернется».

Лола медленно продвигалась вперед. Бар как будто не приближался, а только проблескивал огоньками через таинственные очертания веток. Она всматривалась в темноту между стволами, пытаясь разобрать, где же начиналась тропинка, по которой, срезав путь, можно было также дойти до бара. Вдруг раздался резкий скрипучий звук открывающейся двери, и перед лобовым стеклом метнулась со стороны и преградила дорогу темная стена.

– О-о-ой! – Лоле показалось, что она завопила во все горло. Однако вскрик получился мышинный, как во сне, когда кажется, что орешь изо всех сил, а из горла вырывается только тонкое верещание. Нажав на тормоз, благо ехала она очень медленно, Лола остановилась моментально и, заблокировав все двери, даже зажмурилась на мгновение. Порыв ветра – и шелест ночного леса усилился, стена со скрипом остановилась перед лобовым стеклом, Лола вжалась в сиденье.

«Только без паники!» – Она дала задний ход, включила дальний свет и осторожно нащупала мобильник. Ощущение гладкого телефона в руке сразу успокоило.

«Господи, ну как же ночь нагоняет страх и меняет все вокруг!» Перед ней была обычная ставня, видимо, небрежно закрепленная днем и потому настезь распахнувшаяся сейчас. Ставня была широкая, двойная и висела на журнальном киоске, стоявшем у самого края дорожки, колыхаясь и поскрипывая на ветру.

«Ну и что теперь делать? Закрывать ее?»

Но выходить в эту темень совсем не хотелось. Створка, как живая, продолжала двигаться, издавая неприятный визгливый звук.

Лола чуть развернула машину, так, чтобы огни падали на киоск, и с опаской вышла. Ее обдало прохладной влажностью ночной росы, ветви деревьев подозрительно шуршали. Осторожно она подошла к открывшемуся прогалу и даже заставила себя заглянуть внутрь строения.

Это действительно был старый журнальный киоск, каких не делают теперь. Довольно большой и крепкий, где удобно было сидеть и раскладывать печатную продукцию и где по окончании рабочего дня прилавков с товаром, являвшийся одновременно и входом, закрывался на деревянные двустворчатые ставни и висячий замок. Лола заметила, что другой двери в строении не имелось. Киоск был действующий, внутри лежали журналы и книги, а в центре стоял высокий стул с низкой спинкой. Видно было плохо, дальний свет от машины не падал в открытый проем. Лола смогла рассмотреть только две ближайшие пачки газет, да кое-где отсвечивали торцы книг со светлыми обложками, оба угла киоска тонули в полном мраке и полностью были загорожены высокими стопками журналов.

В одном из углов кто-то отчетливо зашевелился.

Лола отпрянула назад. Ветер как будто вздохнул, потянуло прелыми листьями, запах напомнил ей русское кладбище поздней осенью.

– Вот черт! – Холодок страха пробежал по позвоночнику. – Что это?! – Она затаила дыхание и прислушалась. И откуда такие пессимистические ассоциации?

«А если там труп? Какие глупости! Труп не может производить шума. Может, просто крыса или ежик, забежавший из леса?»

– Эй, кто там?! – громко спросила она, не приближаясь.

А если это сбежавшая Меланья спряталась? Но такое может прийти в голову только в страшном бреду! Ну зачем ей сидеть здесь целый день, когда можно просто пойти к подруге или в гостиницу, наконец? Порыв ветра опять закачал створку, и Лола с надеждой посмотрела в сторону огней бара. Сколько раз Дана говорила ей: «Вози с собой фонарь, работаешь на криминальной программе, лезешь черт знает куда! Что, тяжело купить и в машину бросить? Я тебе сама подарю».

Так и не подарила.

Лола поежилась. Ветер все усиливался, и огромная ставня, двигавшаяся под его напором, напомнила Лоле старинное крыло, сделанное крестьянином-самоучкой.

«Фонарика у меня нет, но зато в багажнике должен быть замочек!

Закрою, а хозяину бара оставлю ключ. Наверняка он знает киоскера и завтра утром ему отдаст. А я смогу сейчас же вернуться сюда со Стефано и с фонарем проверить все углы. А главное, если там кто-то есть, то уже не выскочит за одну секунду, а там и мы подъедем».

Шорох будто бы повторился, и Лола утвердилась в своем решении: «Закрою, а там посмотрим».

Наметив план действий, она немного успокоилась и даже придержала ставню, чтобы та не издавала противный звук, и опять прислушалась. В киоске стояла полная тишина.

Она быстро открыла крышку багажника.

После того как в аэропорту у нее выпотрошили сумку, она купила разом набор замков. Два маленьких она тут же использовала, а третий, более крупный, так и остался валяться в багажнике в упаковке.

Она аккуратно прикрыла створку, соединив две петли, вставила замок и повернула ключ.

В баре было полно народу, и все говорили о случившемся. Увидев Стефано, который уже пил кофе, она махнула рукой.

– Кофе выпей, ночь предстоит долгая. – Он протиснулся к ней с противоположного конца стойки.

– Выпью, только сначала съезди со мной, тут рядом. Фонарь у тебя есть?

– Где-то был, надо посмотреть. Что-то интересное, связанное с этим делом? – говорил он по привычке очень тихо, хотя Лола, осмотрев бар, не увидела ни одного журналиста.

– Выходим! Расскажу на улице, – она придержала дверь идущему за ней Стефано.

Он внимательно и с интересом выслушал Лолу, зная, что она не паникерша и тем более не истеричка, но в конце улыбнулся:

– Скорее всего крыса. А то, что в темноте может черт-те что привидеться, это точно. А посмотреть можно, здесь же рядом.

Подъехав к киоску, Лола взглянула на часы: прошло не более семи минут.

– Давай ключ. – Стефано уже разглядывал ставни.

Новый замочек блестел в темноте. Изнутри не доносилось ни звука.

– Не открывается что-то, это тот ключ? Ничего не перепутала?

– То есть как не открывается?! Дай я попробую. – Она вставила ключ в скважину, но он не поворачивался. – Ничего не понимаю. – Она нажимала все сильнее.

– Попробуй вынуть и вставить заново.

– Нет. Бесполезно. Что ты об этом думаешь?

– Предполагаю два варианта: либо ты, закрывая, от страха надавила очень сильно и там что-то заклинило, ты же знаешь, они приспособлены не для дверей и ставен, либо... – он задумался, – кто-то попытался открыть ножом или отмычкой и соответственно тоже сломал.

– Но здесь нет никаких царапин, и на отверстиях тоже. – Лола внимательно разглядывала замок, направив на него луч света от фонаря, который Стефано вынул из своего багажника. – Сделай несколько снимков на всякий случай – всего киоска, ставен, и запорное устройство возьми крупным планом. Ну что я тебе рассказываю, ты лучше меня знаешь.

– Я-то сделаю, только как бы нам самое главное не пропустить. Если народ из бара разойдется, у кого интервью будем брать? – проворчал он, но расчехлил фотоаппарат. – Конечно, можно и завтра. Только зачем тогда ночью приезжали? Да и народ сейчас разговорчивей, даже не представляешь, каких версий и предположений я наслушался, пока тебя дождался! – приговаривал он, щелкая затвором.

– А ты ведь тоже на машине въехал. Ничего здесь подозрительного не заметил? – Лола сделала вид, что не слышит его ворчания.

– Нет. Закрыт был киоск. А разница всего в 15 минут, я чуть ближе тебя живу к Черенове. – Стефано закончил снимать и вместе с Лолой уселся в машину.

Она развернула автомобиль в сторону бара и, мазнув светом фар по кустам, за промелькнувшей листвой увидела застывший силуэт.

– Смотри! Смотри!

– Где? Что?!

– Да вон там! – Лола вернула машину на место, направив фары туда, где, как ей показалось, притаилась тень.

Они вдвоем уставились в освещенную сторону: два сильных луча четко очерченным коридором уходили в непроглядную тьму разлапых кустов и толстых стволов деревьев.

– Нет никого. Поехали обратно, время поджидает, – поторопил Стефано.

– Да, сейчас и я не вижу никого. А казалось, что там черный силуэт спрятавшегося человека... – Она еще продолжала всматриваться в направлении света. – Все, возвращаемся!

Они сели в машину.

– А вообще, знаешь что? – на секунду заколебалась Лола. – Звони в полицию. Нельзя это так оставлять, когда тут человек пропал.

– Может, ты и права. – Стефано набрал 113.

Пока Стефано разговаривал с полицией, Лола мысленно готовилась к интервью, вспоминая все, что было известно о Меланье и ее семье.

– Патруль здесь рядом совсем, обещали подъехать проверить все. – Стефано отложил мобильник.

– Ну вот и отлично. Расскажи мне быстро, что ты слышал, пока меня дожидался.

– Практически все характеризуют пару Меланьи и Паоло Паролизи как идеальную.

– Ну это, как всегда, поначалу. А потом такое польется...

– А вот и непохоже. Обычно сор из избы не хотят выносить самые близкие, а здесь, пока тебя ждал, даже родственников не наблюдалось, только соседи и односельчане. И все, как один, рассказывают только хорошее.

– А сам муж-то где? Дана говорила, он подмоги просил у военных, я думала, что первый репортаж сделаем с генералом, ответственным за поиски, с мечущимися по ночному лесу солдатами и...

Стефано не дал ей закончить:

– Ну ты расписала! А ниже генерала ну никак? Ученья у них прямо сейчас, я разговор слышал, могут дать только несколько человек. Тогда решили, что ночью три с половиной солдата что смогут обнаружить? Ничего! Вот и перенесли все на завтра. А там, может, и полиция подтянется на поиски.

– Или Меланья возвратится. – Лола подруливала к бару.

– Вот именно.

– А мне все-таки не нравится этот случай со ставней и с замком этим закрытым... – еще сомневалась Лола.

– Все. Пока оставим это, давай работать, тем более что туда патруль подъедет. Вытащила меня на ночь глядя, значит, должны интересный материал отснять. – Стефано приготовил камеру.

Лола достала микрофон, и они вошли в бар.

Глава 3

Паролизи и Ирена сели за самый дальний и уединенный столик. Официант тут же принес два бокала шампанского.

– А мне сегодня коньяк... давай сразу двойной.

– Оставь оба бокала, – сказала Ирена, пригубив вина.

Официант тут же принес пузатый стакан с напитком, который в полутьме поблескивал, как золото, и поставил его перед Паоло. Ирена молчала. Паролизи сделал большой глоток и закрыл лицо ладонями. Молчание становилось все тягостнее. Отняв руки от лица, он сделал еще глоток. Они как будто не слышали музыки и не видели мечущихся по клубу разноцветных огней. Словно отгороженные ото всех невидимой стеной, они смотрели друг другу в глаза.

– Что ты решила?

Ирена ничего не ответила, а только крепче сжала бокал. Было заметно, что она побледнела еще сильнее. Вцепившись в валик дивана, она все не отводила взгляда от Паоло.

Ирена вспомнила, как с братьями они играли в эту игру «Кто кого переглядит» и как она всегда выигрывала, хотя была младше их обоих. Перед глазами всплывали бесконечные пляжи Сиракузы и то далекое детство, когда они беззаботно носились по белому песку, утопая в дюнах, залезали в прохладные и гулкие гроты, купались, далеко заплывая в теплое море, собирали мидии и готовили их тут же, на небольшом костре, раскладывая на припрятанном куске железа и поливая соком лимонов, сорванных по дороге. Домой возвращались только к вечеру, усталые и проголодавшиеся.

Ирена очень долго оставалась для братьев и их друзей обычным товарищем и, стараясь раствориться в их группе, делала все, чтобы они забыли, что она девчонка. И ей это удавалось! Она была членом их команды, участником всех игр – «своим парнем».

В Сицилии, где она родилась, многие так или иначе были связаны с мафией, и их семья не являлась исключением. Откуда брались деньги в доме и чем занимался ее отец, она узнала только на суде. Когда его посадили, мать заняла главенствующее положение в доме. Одета во все черное, всегда хмурая, она тихо отдавала распоряжения, которые беспрекословно выполнялись. С тех пор место Ирены было на кухне. Как же она ненавидела всю эту женскую работу! Она еще пыталась сбежать к братьям, ведь она так ловко метала ножи, да и стреляла не хуже других, но от нее все чаще отмахивались и отправляли помогать матери.

Ирене уже исполнилось семнадцать. Все ее подружки были помолвлены, некоторые вышли замуж, а она, легкая, как морской бриз, и загорелая, как маленький негритенок, и не думала смотреть на парней. Казалось, что братья и даже мать забыли, сколько ей лет, – никто из них не заговаривал с ней о замужестве.

Возможно, что причина была в необъяснимых вспышках ярости, которые неожиданно накатывали на нее и, проходя так же беспричинно, как появились, оставляли долгу боль в голове Ирены, а всю ее компанию приводили в недоумение и беспокойство.

Ей все еще удавалось присоединиться к братьям и их команде, хотя их забавы с некоторых пор превратились в настоящую подготовку к войне с полицией: теперь надо было серьезно владеть ножом и по-настоящему стрелять из пистолета, каким-то чудом не обнаруженного полицейскими при обыске. И то и другое ей удавалось с блеском: прищурившись, подавляя подступающую злость, она умела вовремя сконцентрироваться и, обладая необыкновенной реакцией, почти всегда набирала большее количество очков, чем вызывала снисходительную улыбку у парней. Она еще долго считала, что ее место здесь, и делая вид, что не замечает опасливо-удивленные взгляды ребят из их группы, предпочитала положение «своего парня» в компании братьев работе по дому.

Быстрый ритм сменила медленная мелодия, всполохи яркого света успокоились и смягчились. Высокий официант подвел Оксану к дальнему столику, где сидела компания громогласных мужчин, явно приехавших из Рима. В центре зала хохотала Кристина, уже подцепившая толстого майора. На сцену вышли польки, прикрытые страусиными перьями, и задвигались в эротическом танце. Перья взлетали и покачивались, повторяя движения их тел и нехотя приоткрывая бедра и грудь. Мужчины у барной стойки с интересом развернулись в их сторону, не зная, что раздеваться они не станут. Клуб жил своей обычной жизнью.

Ирена не произнесла ни слова, пытаясь справиться с внутренней дрожью.

Паоло встал, Ирена еще держала пустой бокал.

– Что думаешь делать? – Она подалась вперед.

– А ты?

Их взгляды были еще сцеплены, но он так и не ответил на вопрос.

– Все, я пошел. – Он как будто ждал, что она остановит его, но Ирена молчала. Тяжело повернувшись, он стал пробираться к выходу, стараясь не попадать в пятна яркого света.

Глава 4

Было уже поздно, но Барбара никак не хотела засыпать без мамы, и Лиза совсем с ней замучилась. Она прочитала ее любимую книжку, дала теплого молока с медом и уже заканчивала рассказывать одну из тех сказок, которые, по ее мнению, успокаивали и готовили детей ко сну, но девочка все таращила глазенки и все спрашивала про маму.

Видимо, нервозность, кружившая по дому, передалась и внучке; и шаги Винченцио, монотонно слоняющегося из угла в угол на кухне, действовали на нервы не только Лизе, но и маленькой Барбаре.

Внучка часто приходила к ним в гости с мамой и папой, а иногда Меланья «подкидывала» ее на день-два, когда у них были планы с друзьями или когда они просто хотели побыть вдвоем. Но сегодня Паролизи, ворвавшись в дверь, поставил на пол Барбару и хрипло сказал:

– Присмотрите за ней, пожалуйста! Меланья куда-то пропала, когда мы в парк ходили! Хочу туда вернуться еще поспрашивать, может, кто ее видел!

– Звонил ей? – Лиза тут же набрала номер Меланьи.

– Да. Сначала не отвечала, а теперь вот... – Он не закончил фразу, из трубки раздался неприятный голос: «Телефон отключен или находится вне зоны действия сети».

Лиза была совершенно ошарашена новостью:

– То есть как пропала?! Может, вы с ней разошлись просто?

– Она в бар пошла, а я с дочкой на детской площадке остался. И не вернулась, – уже у выхода ответил Паоло.

«Не вернулась! Но как это может быть, не понимаю», – размышляла Лиза, снимая курточку с внучки.

Было заметно, что Барбара очень устала, а когда Лиза налила ей тарелку овощного супа, девочка без разговоров забралась на свой высокий стульчик и подставила открытый ротик для ложки. «Наверное, и не обедала сегодня», – тут же отметила Лиза.

Она перенесла полусонную Барбару на кровать.

– Спи, родная, спи. – Поглаживая волосы внучки, Лиза тихонько напевала колыбельную и периодически нажимала кнопку повтора, раз за разом набирала номера Меланьи. Результат был все тот же.

Известие о том, что Меланья куда-то пропала, пришедший с работы Винченцио воспринял скорее удивленно. Но к вечеру разволновался и он. Его нервные шаги, раздававшиеся с кухни, перемешивались со звуком передвигаемых стульев и глухим стуком, как будто он налетал на углы стола или натыкался на столешницу.

Лиза поправила одеяло, глазки девочки уже начали медленно закрываться, когда в дверь позвонили.

– Ши-ши-ши, все хорошо, спи, спи, – прошептала Лиза.

Она слышала приглушенный голос вошедшего Паролизи и, увидев, что внучка наконец-то заснула, вышла на кухню.

– Ну что? – сдерживая волнение, спросила Лиза.

– Нет нигде!

– О, боже! – Самые плохие мысли стали закрадываться ей в голову.

– Подожди, мать, не нагнетай обстановку! – Винченцио был отставным военным и, как и Паоло, умел оставаться спокойным и твердым в любых ситуациях. – А ты расскажи все, как было, – повернулся он к Паоло.

Они были чем-то похожи друг на друга, Винченцио и Паоло, а после женитьбы Паролизи на Меланье стали не только родственниками, но и друзьями. Когда Меланья познакомила

родителей с будущим мужем, Лиза сразу же подумала, что ее дочь вытасила выигранный билет, так был хорош Паролизи, буквально по всем меркам. Характер имел легкий, но, когда надо, умел проявить твердость и настоять на своем, не лез в женские дела и давал достаточную свободу Меланье, которая по натуре была очень домашней и, по правде, иногда тяготилась этой свободой. Глядя на Паролизи, Лиза видела молодого, удачливого и такого основательного Винченцио. Как радовалась она за дочку! То, что Паоло был похож на отца Меланьи, давало дополнительную уверенность, что брак будет крепкий.

– После обеда решили пойти с Барбарой в парк, – начал Паролизи, – приехали туда где-то около двух, точно не помню, и пошли сразу же на игровую площадку. Барбара забралась на качели, и я следил, чтобы она не упала, а Меланья очень быстро захотела в туалет, может, дома не сходила, не знаю. Она же, как всегда, все в последний момент решает – то пойдём в парк, то не пойдём. Потом все-таки решила, что «да», и понеслось: попить Барбаре взять надо, какие-то платочки, памперсы надо, ну и еще всякую мелочь. Короче, замоталась, а о себе забыла. Где-то через полчаса говорит мне: «Пойду в бар кофе попью и в дамскую комнату зайду». Ну и пошла...

– Ну и? – опять в два голоса спросили Лиза и Винченцио.

– И ничего. Ждал ее, ждал. Сначала даже и не заметил сколько времени прошло, с Барбарой – то на качелях, то голубей посмотреть, то цветочек сорвать. Но потом чувствую, что-то долго ее нет, думал, заболталась с кем-нибудь. Ну а потом и я в бар пошел, сколько можно дожидаться? А там ее нет. И не приходила!

– А подругам звонил?

– Уже всем звонил.

– Признайся, что поссорились. – Винченцио строго посмотрел на Паролизи.

– Нет, не было никаких ссор.

– Ну, может, ты не понял чего, а она обиделась, знаешь, как у женщин бывает?

– Не знаю. Меланья всегда говорит, если что не так.

– Это верно. Нет у нее такого, чтобы дуться втихаря и тем более уйти.

Паоло Паролизи всегда говорил четко и неторопливо, но сейчас в его голосе слышались натужные нотки. Каждое слово он произносил будто с трудом, и это неприятно поразило Лизу.

– Но ты же вернулся потом, без Барбары, в парк. Удалось кого-то найти, кто видел Меланью?

Паоло опустил голову:

– Нет.

– Господи, да что же это такое! Куда же она девалась! – не выдержала Лиза.

– Спокойно! Что может произойти в нашем парке и тем более днем?

– В парке! – Лиза передразнила Винченцио. – Какой это парк на самом-то деле? Это лес настоящий! Я родилась здесь и сколько раз там гуляла, и никогда до конца не доходила, он же на десятки километров тянется!

– Да нет, мать, не такой уж он большой. Одной стороной упирается в военную часть...

– Он дальше за военную часть заходит! – перебила его Лиза.

– Да, заходит немного, на пару километров всего, а дальше деревня и горы делла Тольфа.

– А ты-то, ты! Чего ждал так долго?! – Лиза ткнула пальцем в Паоло. – Почему не пошел с ней в этот бар распроклятый?!

– Барбара хотела на качелях покататься. Да и, честно, в мыслях даже не было, что что-то может случиться.

– А что теперь делать? Ночь на дворе! – Лиза посмотрела на мужчин.

– В полицию заявил, уже и в часть ходил: думал, может, дадут народ парк прочесать.

– В полицию?! Уже! – Тут не выдержал и Винченцио. – Что, настолько серьезно все? То есть что она обиделась и ушла, ты исключашь? А если все-таки у подруги сидит и решила

тебя наказать за что-то и вернется завтра? Ты можешь себе представить, как ты, да и мы все, будем выглядеть перед людьми?! Еще и в военной части все рассказал. . .

Чем больше мрачнел Паролизи, тем сильнее Лиза понимала, что произошло что-то неправимое. И то, что Паоло так быстро решил пойти в полицию, даже не посоветовавшись с ними, и то, что успел побывать в военной части, совершенно сбивало ее с толку. Сердце заколотилось безумно, и она схватилась за левый бок.

– Что? Плохо тебе? – подскочил к ней Винченцио.

– Да нет, проходит уже.

Она пересела в мягкое кресло.

Таким растерянным Лиза никогда не видела мужа. «Ну что, что могло произойти с Меланьей?! И как она могла исчезнуть, бросив свою маленькую дочку?» Она видела, что Винченцио думает о том же.

– Я, пожалуй, домой пойду. – Паролизи двинулся к выходу.

– Иди, конечно, если Меланья вдруг объявится, ты должен дома быть, – согласилась Лиза.

– А что тебе в полиции ответили? – не успокаивался Винченцио.

– Дежурная группа проехала по аллеям, ничего подозрительного не увидела. Сказали, что завтра еще посмотрят, но, как я понял, прочесывать парк пока никто не собирается, – угрюмо ответил Паоло, стоя в дверях.

– Как прочесывать! – Лиза опять схватилась за грудь. – Но почему ты решил, что уже надо с полицией разыскивать?!

Майор не успел ответить, как его перебил Винченцио:

– А в части ты что наговорил?

– Сказал, как есть: что ушла кофе попить и пропала. Думал, смогу договориться взять солдат на помощь. Но у них ученья сегодня и завтра, да и темно уже.

– И что, не удивился никто?

– Удивились. – В горле у Паролизи как будто что-то заклокотало, на секунду Лиза подумала, что он заплачет. – Но ведь и вы меня поймите, никогда не случалось ничего подобного, все у нас было нормально, а Меланья вдруг как сквозь землю провалилась! – И добавил уже спокойнее: – Разволновался я очень, не могу объяснить почему. Прямо как предчувствие какое нехорошее меня взяло, да и Барбара стала маму звать.

– Все, давай к себе, а завтра звони пораньше. Если Меланья не появится, будем вместе решать, что делать, – подытожил Винченцио и тихо хлопнул ладонью по столу.

– Спокойной ночи.

– Спокойной.

Паролизи вышел в темноту улицы, сел в машину и тронулся с места.

Лиза и Винченцио снова бросились к телефону: «...вне зоны действия», – закончил автомат.

– Ты не в курсе, что там у них? Это что надо такое сделать, чтобы Меланья ушла, даже нам ничего не сказав?! – Винченцио пристально посмотрел на Лизу. – Если знаешь, выкладывай!

– Нечего выкладывать, все у них хорошо было!

Все еще не веря в происходящее, она опять нажала на повтор номера Меланьи. Они прислушались: телефон был недоступен.

Паника охватила Лизу. Она совсем близко подошла к Винченцио и взяла его за руку.

– Ничего не понимаю! – Винченцио крепко обнял жену, усадил на диван и примостился рядом. – Чувствую, не заснуть нам сегодня. Даже в военной части рассказал, ничего не понимаю. . .

Глава 5

Лола решила, что с интервью пора заканчивать: «Вот только выужу подружку Меланьи, которая зачем-то забилась в самый дальний угол и норовит уйти, не поговорив с нами».

Материала набралось уже много, как и разных мнений. Прослеживались две основные версии.

Первая, что Меланья, несмотря на хорошие отношения с мужем – это подтверждали буквально все, – все-таки обиделась на что-то и решила проучить его, сбежав к одной из подруг. И вторая, о которой говорили почему-то шепотом, что у них в лесу объявился маньяк и произошло непоправимое. Надо сказать, что вторая версия появилась ближе к ночи, когда народ, сидевший в баре, уже порядочно приложился к горячительным напиткам, но Лола решила ничего не сбрасывать со счетов и давала возможность высказаться всем.

Лола кивнула Стефано в сторону подружки Меланьи, которая сидела в углу в гордом одиночестве, но в это время у входа появились двое полицейских, и Лола тут же изменила направление, оказавшись у стойки рядом с вошедшими.

– Добрый вечер! Проверили лес возле киоска? Да и в самом киоске мы подозрительный шум слышали. Обнаружили что-нибудь? – Лола сыпала вопросами, держа микрофон между мужчинами, готовая поднести его к первому, кто откроет рот.

– Не понял? – удивленно поднял брови один из полицейских.

– Это мы недавно по сто тринадцать звонили, – пояснил Стефано. – Вы ведь патруль из отдела Череновы?

– Оператор с пятого канала? Тогда понятно. – Полицейский рассматривал их обоих, но отвечать не торопился.

– Нет там ничего, прошлись мы по лесу и возле киоска обследовали, – ответил его напарник.

– Что-то быстро вы все успели. Ничего подозрительного не заметили? – не поверила Лола.

– Да у нас еще один начальник появился! – Он пристально посмотрел на Лолу и подозвал барменшу: – Два кофе макиато⁵, пожалуйста. Все хотят указания давать! Даже кофе спокойно не попьешь.

– Дня не прошло, а журналисты уже тут как тут, – добавил второй полицейский. – Нет там никого! – сказал он прямо в микрофон и, залпом выпив кофе, недовольно покосился на Лолу.

– Нет так нет, – примирительно проговорила Лола и все же добавила: – Надеюсь, что вы хорошо проверили это место!

Полицейские возмущенно переглянулись.

Наконец-то они добрались и до подружки Меланьи. При их приближении она отвернулась и даже попыталась загородить проход стулом, но Лола сделала вид, будто не заметила этого.

И чего она так дергается? Обычно интересные женщины с удовольствием давали интервью и не упускали возможности засветиться на телеэкране. Подругу звали Эльга, и она была необычайно похожа на саму Меланью, фотографию которой Дана выслала Лоле по электронке. Это была настоящая женщина Средиземноморья: длинные черные волосы, большие темные глаза, высокая грудь, довольно широкие бедра и узкая талия.

Но если Меланья с теми же данными выглядела мягкой и домашней, то Эльга – эффектной и вызывающе-сексуальной. Такая женщина странно смотрелась одна, складывалось впечатление, что она кого-то ждет или же специально забралась подальше, чтобы прислушиваться к разговорам окружающих.

⁵ Макиато – эспрессо с каплей молока.

«Наверное, с ней лучше на «ты» – молодая, может, чуть старше меня», – размышляла Лола, пробираясь между столами.

– Чао! Нам правильно указали, что это ты самая близкая подруга Меланьи? – начала Лола.

– Думаю, да, хотя у нее есть и другие подруги. Только мы все вместе практически не встречались. – Она смолкла, но Лола не отнимала микрофона, застыв выжидающе. – Она дружила со мной и с ними как бы отдельно, – нехотя продолжила Эльга, обдумывая каждое слово, и, что совершенно не понравилось Лоле, все время смотрела в сторону.

Поняв, что вытянуть из Эльги что-либо будет не так-то просто, она решила зайти изда- лека и таким образом подвести ее к основной теме, чтобы она уже не смогла уйти в сторону.

– Ты давно знаешь Меланью? – Лола задала риторический вопрос.

– Знакомы давно, с детства, а дружить стали после школы. В последние годы особенно сблизилась, когда ее мужа перевели в нашу военную часть и они к нам в Черенову окончательно переехали. Мы примерно одних лет, да и вообще много общего...

– Да? А что вас так сблизило? – Лола заметила, что этот вопрос ей не понравился. Не хотела журналистка раньше времени настораживать Эльгу, но «прокололась».

– Даже не знаю. – Она вдруг улыбнулась и, будто найдя нужные слова, продолжила: – Меланья такая домоседка, а я, наоборот, люблю «выйти в свет»; она замужем, а я уже успела развестись; и детей у меня нет, а у нее маленькая дочка, которой она уделяла очень много времени, но каждая из нас посвящала другую в свой, иной мир. Получается, что мало у нас общего, но с другой стороны... – И она затихла, то ли запутавшись, то ли задумавшись.

Действительно, то, что Лола слышала до этого о Меланье, никак не вязалось с этой дружбой противоположностей.

Казалось, Эльга отвечала вполне обстоятельно, но что-то в ее тоне настораживало и не нравилось журналистке.

Не хочет она помочь следствию, ну совсем не хочет. А ведь близкая подруга! Или, наоборот, что-то знает и сознательно не договаривает...

– У вас были доверительные отношения? – Ей показалось, что Эльга не поняла вопрос. – Другими словами, Меланья рассказывала тебе свои секреты? – уточнила Лола.

Эльга заерзала на стуле, что совсем не шло к ней.

– Да... наверное.

Ну совсем коротко ответила, а главное, не поймешь, «да» или «наверное».

– Она не говорила тебе о каких-нибудь проблемах в последние дни?

– Нет.

Ответ одним словом, они даже переглянулись со Стефано. Как же ее «раскочегарить»?

И ведь ни одного интервью еще нет с близкими друзьями или родственниками, не говоря уже о родителях и муже, который тоже куда-то исчез.

– О ссорах с Паролизи ничего от нее не слышала?

– Ну какие ссоры? Она идеальная жена и мать. С ней невозможно поссориться. Характер у нее мягкий, податливый. Все, что нужно мужчине-военному в доме: теплота, уют, любимая дочка, вкусная еда – все это есть в их семье.

Ну это уже что-то, хотя в голосе Эльги ей послышалась грусть.

– Как ты думаешь, куда делась Меланья?

– Просто не представляю. Тем более что дочку она никогда бы не оставила так, в неведении. Я помню, как Меланья меня попросила час с Барбарой посидеть: у нее была процедура заказана в косметическом салоне, а бабушка не смогла подойти, уже не помню почему. Так она перед этим сто раз Барбаре все объяснила: что она отойдет всего на часик, как будто девочка уже знала время и понимала, что такое часик; и что Барбара должна слушаться тетю Эльгу; и что, когда она вернется, они сразу же пойдут встречать папу с работы. Прибежала из салона

раньше времени, даже маску не додержала, так волновалась за дочку. Можно подумать, что на улице ее оставила.

Будто устав от произнесенного монолога, Эльга вздохнула и посмотрела на часы.

Но почему она не хочет просто помочь, постараться что-то вспомнить и рассказать о Меланье? Неужели не понимает, что любая мелочь может оказаться решающей в поиске ее подруги?

– Ничего не заметила странного в поведении Меланьи?

Эльга сделала вид, что вспоминает, и, как плохая актриса, зашевелила губами:

– Нет.

– А сегодня ты ее видела?

Она опять задумалась:

– Нет.

Она или вправду такая заторможенная, или что-то с ней не так? Разве можно столько соображать, видела ты сегодня Меланью или нет?

– О Паролизи что-то можешь сказать? Что он, по-твоему, собой представляет?

В глазах Эльги, как показалось Лоле, блеснул испуг. Она нервно встала, чуть не уронив стул, и, давая понять, что интервью закончено, бросила небрежно из-за плеча:

– Нормальный мужик Паролизи.

Ну не хочет она отвечать, а последний вопрос ее, кажется, доконал.

А если Меланья спряталась у нее дома, чтобы наказать мужа? Почему она так неестественно вела себя при разговоре, старалась взвешивать каждое слово?

Эльга с явным облегчением выбралась из своего угла и быстро направилась к выходу.

Барменша взмахнула рукой, пытаясь привлечь внимание журналистки, и указала на спину мужчины, продвигавшегося в том же направлении, что и Эльга...

Лола не понимала, что означают ее телодвижения, пока Стефано не шепнул ей:

– Это киоскер, наверное! Мы же хотели ключ ему отдать.

– Давай к нему!

– Ну что он может нового сказать? – загундосил Стефано. – У нас уже столько материала от жителей Череновы! Может, без камер? Отдадим ему ключ от замка и все?

– За мной!

Лола рванула к выходу за киоскером и, схватив его за рукав, развернула к себе. Мужчина был не выше самой Лолы, вид у него был унылый, а непропорционально длинный нос придавал его фигуре сходство с усталым муравьедом.

– Добрый вечер! Разрешите задать вам несколько вопросов, – без пауз затараторила Лола. – Вы работали сегодня в киоске?

– Да, с двух до шести, – сразу откликнулся мужчина.

«Вот как! – Глаза Лолы округлились. – Как раз когда в парк приехал Паролизи с дочкой и Меланьей!»

– Вы видели семью Паролизи?

– Думаю, что да. Я пришел, как всегда, чуть раньше, без десяти или без пяти два, и начал открывать киоск. И как раз в это время вдали маленькая девочка качалась на качелях, а рядом отец ее поддерживал. И женщина тоже присутствовала. Но далековато, конечно, да и кусты мешали.

Стефано усиленно вел съемку, отдавая дань профессиональному чутью Лолы.

Из всех присутствующих в баре это был первый ценный свидетель. «Вовремя она его ухватила! Получается, что он последний, кто видел Меланью живой, не считая мужа, конечно», – подумал Стефано.

– Так вы не уверены, что это были они? – Журналистка едва не задела микрофоном кончик длинного носа мужчины.

– Могу сказать только, что женщина была в синей, скорее всего джинсовой куртке и с длинными черными волосами, прямо как у Меланьи. Ее спутник – высокий, в чем-то темном. – Киоскер предусмотрительно отодвинулся от Лолы. – Конечно, если бы Меланья не пропала, я бы сказал, что это была семья Паролизи, но в данном случае надо быть очень осторожным, чтобы ничего не перепутать.

«Не забыть уточнить по поводу куртки: в ней ли была в тот день Меланья?» – отметила для себя Лола.

– А когда Меланья в бар пошла, видели? Дорога прямо перед вами проходит.

– Нет. – Заметив удивление на лицах Стефано и Лолы, добавил: – Там есть более короткая тропинка, местные все ею пользуются. Наверное, и Меланья решила путь срезать.

Лола вспомнила, что об этой тропинке ей рассказывала и Дана.

– А Паролизи с дочкой одни остались в парке?

– А вот этого не знаю. Я, когда сижу внутри киоска, уже не вижу детской площадки.

– А много народу было в тот день?

– Мало, как обычно в будни. Я когда ставни открывал, оглядел парк, я так всегда делаю: солнышко было такое хорошее, на поле, это совсем далеко, ребята в футбол играли и на детской площадке была эта семья с девочкой.

– А в течение дня еще кого-нибудь видели?

– Я же говорил, когда внутри сижу, обзор у меня невелик. Пара человек с собаками гуляли, все местные, один у меня газету еще купил; какие-то машины проезжали вон по той дороге, – и он махнул рукой куда-то в темноту, видимо, указывая направление дороги, – сюда-то запрещено заезжать. Ну и когда стемнело, а сейчас темнеет рано, после пяти уже начинается, кто-то здесь шарахался по кустам... Какая-нибудь парочка, наверное. Да и я стал собираться и ставни закрывать.

Все было обыкновенно в его рассказе – нормальный рабочий день киоскера, и только на последней фразе как будто что-то изменилось в его голосе, как будто он сказал что-то лишнее и сразу спохватился, но было уже поздно – фразу надо было закончить.

– Подозрительного ничего не заметили? Вот вы говорите: шарахался кто-то по кустам. Это не показалось вам странным?

Вопрос явно насторожил киоскера: он еще ниже опустил голову и чуть было не ткнулся носом в собственную грудь.

– Да нет. Бывает здесь такое – молодежь развлекается, иногда даже на машине въезжают, сидят, целуются или в лес выходят... еще чем занимаются...

Лола и Стефано уже давно научились понимать взгляды друг друга, вот и сейчас они переглянулись, чтобы убедиться, на самом ли деле в голосе киоскера появились необычные нотки, или им только показалось.

– Спасибо вам большое за такой обстоятельный рассказ! – Лола дала отмашку Стефано, что означало: «сделай вид, будто закончил съемку, и переходи на скрытую камеру». – Извините, что я сразу не представилась. Я Лола, журналистка с пятого канала. А вас как зовут?

– Джузеппе. – Он сразу расслабился, и даже нечто наподобие улыбки проскользнуло на его унылом лице.

– А вы сами из Череновы? – Лола улыбнулась, показывая, что официальная часть завершена.

Киоскер окончательно успокоился:

– Да, я местный, родился здесь.

– Значит, семью Паролизи знаете. Как по-вашему, могла Меланья сбежать?

– Да нет. Хорошая дружная семья, во всяком случае на вид. Паоло, правда... Как бы это сказать... Ну, нравился женщинам, но лично я его только с Меланьей видел. – Джузеппе говорил без видимого волнения.

– Да, вот совсем забыла! Мы же вам хотели ключ отдать от вашего киоска. Я обнаружила его открытым около двух часов тому назад.

– Открытым?! – Нос киоскера как будто еще больше вытянулся, а на физиономии появилось неискреннее удивление.

Лола надеялась, что у Стефано получится взять крупный план, чтобы потом, в записи, можно было спокойно рассмотреть реакцию Джузеппе.

– Да, именно так. Я въехала на машине, хотя, как вы правильно заметили, запрещено, и чуть было не врезалась в открытую ставню, то есть дверь вашего киоска. У меня в багажнике был замочек, так что я все закрыла и думала, что оставлю барменше, если вас не будет, но коль мы вас нашли – вот ваш ключик. – Она умолчала о том, что они возвращались и что звонили в полицию.

Киоскер ошалело смотрел на Лолу.

– Спасибо. Не представляю, как это могло случиться. Я закрывал все двери. – Он осторожно взял ключ и почему-то стал рассматривать его.

«Что-то не собирается он бежать проверять, на месте ли весь товар», – подумала журналистка.

– Доброй ночи и до свидания!

Лола все пыталась понять, что же не так с этим киоском. Но усталость начинала давить на мозг, а ей еще надо было связаться с каналом, чтобы решить, стоит ли выходить с темой исчезновения Меланьи в ночных новостях или перенести все на завтра.

– До свиданья! – ответил Джузеппе и повернул обратно к бару.

– Может, еще по кофе возьмем?

– О'кей, – согласилась Лола, – и план дальнейших действий наметим.

– Надеюсь, что ему удастся открыть свой киоск.

– А если нет, так завтра собьет замок. Главное, что ночью никто не залезет и ничего не украдет...

– Что-то незаметно, чтобы он очень волновался за свой товар.

Лола и Стефано подошли к барной стойке. Народу внутри осталось совсем мало, и Лола заметила, что киоскер вернулся к столику и взял еще один крепкий коктейль.

Глава 6

Запищал будильник, и Лола сразу открыла глаза. Десять часов и уже пять неотвеченных звонков, причем два – от начальства с канала! «Хорошо, что установила время на телефоне, а то так бы и спала до двенадцати, и ведь не слышала, как пытались дозвониться!»

Вчера они со Стефано только под утро добрались до гостиницы. Короткий репортаж из отснятого материала прошел в ночных новостях и был повторен в шестичасовых. Основную информацию она решила оставить для следующего выпуска «Их кто-нибудь видел?».

Лола подошла к окну и раздвинула занавески. Профессиональное чутье опять не подвело: внизу у центрального входа только что припарковалась машина журналистки с первого канала, их вечной конкурентки.

«Если коллеги подтягиваются в Черенову, значит, Меланья не нашлась. Главное, чтобы я ничего не пропустила, пока спала».

В дверь постучали:

– Лола, это я, Стефано.

Она быстро надела спортивные брюки и майку и открыла дверь.

– Доброе утро.

– Звонили с канала, сказали, что вышлют техников, чтобы мы могли работать отсюда в прямом эфире, и Дану, на случай, если события начнут стремительно развиваться. Ты же любому должна сегодня вернуться на студию вести программу. Просили передать, что молодец, опять обскакала всех. Ты ноутбук, я вижу, не открывала?

– Нет еще. Что, много новостей?

– Да, Дана нарыла кое-что. Давай кофе в номер закажем, чтобы время не тратить, и здесь поработаем.

– О'кей. Заказывай, я пока душ быстренько приму.

Когда Лола вышла из ванной, на столике уже стояли два двойных кофе, два капучино и плетенка с корнетто.

– Что, уже Дана подъехала? – Лола удивилась количеству чашек.

– Нет, это все нам. Я-то точно выпью и черный, и капучо, а ты что, не осилишь?

– Осилю, все правильно сделал. – Лола включила компьютер.

«Итак, что мы имеем: Меланья ушла... бла, бла, бла... – Лола быстро пробежала глазами строчки присланного текста. – Это все мы уже знаем. А вот это интересно: «Меланья и Паоло познакомились на Сицилии, когда она была там на отдыхе, женаты около четырех лет, дочке Барбаре два года». Вот еще: «Отец Меланьи тоже военный, полковник, устроил перевод Паоло в дивизию Череновы, где тот и работает по настоящее время инструктором по оружию в женском батальоне».

– Получается, что Паролизи практически завязал с серьезной карьерой и окончательно здесь обосновался, да еще в этой роли инструктора... Сам он, – Лола придвинула к себе чашечку с капучино, – из-под Неаполя, там у него до сих пор живет мама. Про отца пока ничего не вижу... А, вот: «отец умер».

– Вот будет хохма, если Меланья сегодня объявится! – Стефано смачно хрустнул корнетто.

– Главное, чтобы она не объявилась после моей передачи, я ведь сегодня буду ставку делать на этот случай. – Лола с удовольствием сделала глоток кофе, легкая пенка приятно растаяла на языке.

– Да уж, – подхватил Стефано, – а то выложим все наши интервью, ты, как всегда, страху на зрителей наведешь, про маньяка вспомнишь, а тут звонок в студию: «Добрый вечер, это я, Мела-а-а-нья, – изображая высокий девичий голос, протянул Стефано. – Я решила проучить

своего мужа, потому что он не купил мне сумочку, которую я так хотела, и поэтому я осталась ночевать у подруги», – продолжал он гнусно пищать, забыв про еду.

– Не шути так, пожалуйста! – Лола даже не улыбнулась. – И крошки вытри со рта. – Она подала ему салфетку.

– Не напрягайся, я видел, что парочка наших коллег уже подъехала, из этого можно сделать вывод, что Меланья еще не нашлась. – Он покорно промокнул рот.

– А меня успокаивает не столько присутствие других журналистов, сколько то, что сам Паролизи уже заявил в полицию. Почти никогда мужья и жены не бегут в полицию всего через несколько часов после исчезновения второй половины, а если бегут, это значит, что...

– Паоло пошел только поздно вечером, – перебил ее Стефано.

– Не забывай, что того же дня. Значит, ничего не было в их отношениях, что могло бы побудить Меланью к побегу.

– Или, наоборот, было.

– То есть?

– То есть что-то очень серьезное произошло, поэтому Паролизи и заволновался сразу, и ждать особенно не стал, так как тут же понял, что жена решила его бросить.

– Бросить?! И уйти без дочки?! Не годится эта версия.

– Может, ты и права, – согласился Стефано.

– А как тебе ее подруга показалась? Совершенно другая жизненная позиция, нежели у Меланьи. Что у них может быть общего?

– Общего не знаю, а женщина интересная и, если ты помнишь, общалась с тобой совсем без энтузиазма. Обычно такого типа женщины лезут на камеру грудь.

– Это точно. – Лола вспомнила Эльгу, забившуюся в угол. – Не сложилось у тебя впечатление, что она не хотела разговаривать, боясь сболтнуть лишнее?

– Вполне возможно. Только киоскер мне показался гораздо более подозрительным.

– Да, он в принципе неприятный какой-то, – согласилась журналистка.

Стефано собрал пустую посуду на поднос и с сожалением повертел в руках пустую пленку из-под корнетто.

На дисплее замигал значок разрядившегося аккумулятора. Лола, чуть не сбив с ног удивленного приятеля, метнулась к розетке и быстро подключила ноутбук к сети.

– Хорошая у тебя реакция, ничего не скажешь! – поразился тот.

Она застрекотала по клавишам компьютера, длинные ногти мешали быстро печатать и издавали странный клацающий звук, а мысли как будто шли параллельно.

«Я дождусь Дану, а потом сразу на студию поеду. Тут она мне написала, что на сегодня полиция никаких серьезных операций опять не назначила, только дежурная группа должна будет осмотреть те места, которые Паролизи указал».

Дана работала на канале давно, имела большой опыт и определенный статус. Лола, выбрав ее себе в заместители, поначалу даже вступила в борьбу за первенство, незаметно навязанную ей самой подчиненной, и ежечасно была вынуждена подтверждать свой статус руководителя. Но профессионализм взял свое, и очень скоро они превратились в мощный «тандем», который так любил ставить в пример на «летучках» директор канала, друг Берлускони.

– Видали, какой рейтинг у «Их кто-нибудь видел?»? А ведь работают две слабые женщины и один мужчина на подначках, – так он обрисовывал вклад Стефано в их передачу, чем приводил обычно тихого и сговорчивого оператора в полную ярость. – Учитесь, как надо дополнять друг друга в работе! Никаких склок! И даже мужчину, который у них один на двоих, как-то удачно поделили и заставили вкалывать так, как надо! – На этих словах он подмигивал Лоле, как бы подчеркивая, что понимает, что она главная в этой маленькой группе.

Голос Стефано вернул Лолу к делу Меланьи:

– У меня материал весь обработан. Пожалуй, я пойду пройдуся, да и послушаю, кто что говорит. Может, и у наших коллег что удастся узнать, – сказал он и открыл дверь.

– Дану встретить! – крикнула Лола ему вслед.

Даже поглощенная составлением плана предстоящей передачи, Лола не забывала про приезд Даны.

А времени на подготовку оставалось совсем мало!

«Не буду никого приглашать из Череновы. Покажу отснятые репортажи, пока этого достаточно».

Все-таки заронил искру сомнения Стефано своими кривляньями: «А что, если действительно вернется Меланья? Ведь и полиция пока мало что предпринимает. Да еще этот случай с открытым киоском, замочком, непонятными звуками, доносившимися из самого угла... И куда его приткнуть? Киоскер этот действительно странный... Хотя поначалу все свидетели кажутся подозрительными. И подруга Эльга тоже все в сторону смотрела, все что-то мялась и ерзала... Хорошо бы мужу пару вопросов задать и заодно спросить, в какую куртку была одета Меланья». Но Лола по опыту знала, что военные очень не любят разговаривать с журналистами.

План передачи был практически готов, и Лола решила пересмотреть запись с киоскером. Увиденное повергло ее в полное изумление: он явно подвирал. Было заметно, что он врал не во всем, а лишь местами, и именно эти моменты записи Лола и взялась выделить. Периодически останавливая кадры, она поняла, что Джузеппе достаточно спокойно и обстоятельно рассказывал обо всем, что касается семьи Паролизи, и только в разговоре об открытом киоске, в момент передачи ключа, он начинал дергаться и, отводя бегающие глаза, еще ниже опускал свой длинный нос. Все эти обстоятельства наводили на мысль, что в киоске действительно кто-то был. Но как это связано с пропажей Меланьи? Или просто обычное совпадение?

В дверь постучали. Это была Дана.

– Ну что тут у вас? – сразу же поинтересовалась она.

– Пока ничего, кроме того, что ты уже знаешь. Давай, я тебя введу в курс дела и поеду на студию. – Лола начала складывать вещи в сумку. – Хорошо, если тебе удастся найти Паролизи или кого-нибудь из родителей Меланьи, я бы их сразу дала в программе, а с местными у нас и так полно интервью. Надо установить, в какую куртку в тот день была одета Меланья, и пройтись по ее маршруту. – Лола еще продолжала говорить, когда в номер вошел Стефано.

– Шевеление какое-то среди приехавших журналистов, а в чем дело, не удалось выяснить! Я даже Дану просмотрел, когда она приехала: все прислушивался.

Дана тут же схватилась за телефон – практически в каждом полицейском участке у нее были знакомые.

Ей ответили сразу же, и по тому, как вытягивалось ее лицо и округлялись глаза, Лола и Стефано поняли, что что-то случилось.

– В полицию позвонил неизвестный, сказал, что обнаружил труп женщины у старого бара! – выпалила Дана.

– Откуда звонок, засекли? – тут же взвилась Лола.

– Из телефонной будки.

– У нас еще существуют телефонные будки?! Вот не знал, – засомневался Стефано.

– Да, как видишь, и эта находится рядом с гостиницей в деревне Линаро.

– Так, давай все по порядку. – Лола отодвинула сумку и села в кресло.

– Звонок поступил в 12.13, звонил мужчина, по голосу – средних лет. Сказал, что, собирая грибы в самом конце лесопарка у заброшенного бара, он увидел труп женщины. И все, и повесил трубку. Полиция, наверное, уже едет, поэтому и наши все зашевелились.

– Ты знаешь, где это находится?

– Думаю, что да.

– Тогда все туда, к старому бару! – скомандовала Лола.

– Лол, а ты-то не опоздаешь на студию?

– Постараюсь не опоздать. Я же должна увидеть это место, чтобы хоть представление иметь, как и что.

Они бегом спустились на стоянку и, садясь в машины, заметили, как их коллеги, что-то взволнованно обсуждавшие у входа, увидев их суматошные передвижения, потянулись к своим автомобилям.

Глава 7

Проехав очередной раз по всем аллеям парка вместе с полицией, Паролизи пришел в дом к тестю. Все уже давно встали. Барбара сразу бросилась ему навстречу и вытянула ручки:

– Папа, папа! – Паролизи поднял и прижал к себе малышку.

– Ну что? Что?!

Тут же вышли в коридор Лиза и Винченцио.

Они знали, что Меланья еще не нашлась, но все равно с надеждой смотрели на Паролизи.

– Рано утром объехал с полицией весь парк, но ничего. Еще раз прошли по нашему маршруту, полазили по кустам, пару оврагов оглядели, вот так... – Майор затих.

Лиза все не могла подобрать определение облику Паролизи и впечатлению, которое он теперь производил. Еще вчера она все присматривалась к зятю и все не могла поймать это новое, неуловимое в его внешности. Но сегодня, когда он тихо добавил «вот так» и провел рукой по лбу, как будто что-то было в его голове, что не давало ему покоя, она поняла: он что-то знает и не хочет говорить.

– И что же делать, сынок? – глухим голосом спросил Винченцио.

И этот голос, и то, что он назвал Паоло «сынок», чего никогда прежде не делал, и сам Паролизи, прижимавший дочку к груди со страдальческим выражением лица, – все это дало толчок мыслям Лизы и сложилось в уверенность, что случилось что-то непоправимое.

– Ма-ма, – вдруг внятно произнесла Барбара и потянулась к фотографии на комод. На ней Меланья и Паоло, счастливые и загорелые, обнявшись, стояли у старинных ворот Порты ди Меццо.

Это было сразу после свадьбы, когда они поехали отдыхать на Сицилию, где когда-то познакомилась. И в один из дней он повез ее показать Таормину. Они поднялись в старую часть города, на улицу Корсо Умберто, и вышли на главную площадь, где играл уличный оркестр и художники рисовали портреты и продавали пейзажи.

– Давай закажем рисунок!

Он остановился около смешных шаржей. Художник набрасывал лицо сидящей перед ним девушки, превратив его в мышинное, но сохранив удивительное сходство с оригиналом.

– Смотри, как здорово! Давай и мы...

– Паоло, ну к чему это безобразие?! – Она не дала ему закончить. – Если уж писать портрет, то красивый.

– Красивый не интересно. Посмотри, как он ухватил суть!

Мышь под рукой художника заулыбалась и стала еще больше похожа на смеющуюся девушку.

– Ну почему тебя на какие-то извращения тянет! – И она надулась.

«Наверное, боится, что он ее курицей нарисует», – беззлобно подумал Паролизи.

Это была их первая размолвка.

Он крепко обнял ее и тут же, на площади, поцеловал в губы.

Они гуляли по старинным улочкам, рассматривали витрины антикварных магазинов, больше напоминавших музеи; заглядывали в шикарные бары, которых было полно в Таормине; и даже познакомилась с милой пожилой парой, что жила здесь же и буквально засыпала их рассказами о каждом доме и переулке, которые они проходили.

Но Паролизи было не до развалин, оставленных греками и древними римлянами: ему стало мало короткого поцелуя на площади. Длинные волосы Меланьи, развевающиеся на легком ветру, то и дело касались его лица; верхняя пуговица ее белой блузки еле держалась на последней нитке и натягивалась от каждого вдоха, грозя оторваться и открыть мягкую ложбинку, чем вводила Паролизи в дрожь нетерпения. А изумительные ноги, открытые короткой

юбкой, которую он еле уговорил ее надеть, – возбуждали так, что у него заложило уши, и он перестал слышать, о чем говорят их новые знакомые.

Страсть затопила его, он был готов взять жену прямо здесь. Краснея и злясь, Паоло топтался рядом и наблюдал, как двигается Меланья, красиво переставляя длинные ноги с узкими щиколотками и то и дело откидывая блестящие волосы, брошенные на глаза теплыми порывами ветра. Ничего не подозревая, она продолжала расспрашивать пожилую пару о достопримечательностях города, когда они решили зайти в бар одной из центральных гостиниц Таормины.

«Вот здесь я и сниму номер и сделаю это сейчас же! И как можно совершенно не ощущать страстного желания мужа, находящегося рядом», – подумал истерзанный вождедением Паролизи.

Поначалу ему даже нравилась эта своеобразная холодность, он совсем не считал ее за равнодушие. И то, что Меланья не загоралась сразу, и то, что ему нужно было здорово растербить жену, чтобы она сообразила, чего он хочет, и начала отвечать ему, – все это, как ни странно, приводило Паролизи в восторг. Но постепенно за ее нечуткостью он стал подозревать пустоту чувств и полное безразличие, что стало здорово раздражать его.

Эта гостиница была не из тех, где можно заказать номер на час или два, но остановить Паролизи было невозможно. Он порывисто положил документ на лаковую поверхность деревянной стойки ресепшн, снял номер на целый день и взял ключи. Подойдя к столику, где Меланья беспечно болтала с новыми знакомыми, он крепко взял ее за локоть и мягко вытащил из-за стола.

– Извините, нам надо идти. – И под изумленными взглядами присутствующих повел ее к лифту.

Только теперь, посмотрев Паоло в глаза и увидев ключи у него в руке, Меланья начала о чем-то догадываться и улыбнулась бесстрастно, подчиняясь его воле.

Он всегда был очень мягок с женщинами, ухаживал как настоящий неаполитанец: с серенадами и охапками цветов, придумывал и совсем необычные сюрпризы, которые так им нравились. И только в интимной близости в нем просыпалось сильное и грубое животное. Но, к удивлению самого Паролизи, их совсем не пугало это превращение из ласкового и нежного в рычащего и необузданного. Скорее, наоборот, каждая из них считала, что исключительно она вызывала у него такой всплеск эмоций и такой взрыв страсти, и эта уверенность делала их в любви еще смелее и прекраснее.

И только Меланья, его жена, не становилась ни смелее, ни прекраснее. Сначала ослепленный всепоглощающей страстью Паролизи не замечал ее отсутствующей реакции, но со временем он с грустью признал, что Меланье далеко до настоящих чувственных южных итальянок, до лживых даже в постели, но таких горячих румынок, до скромных афганок, под чадрами которых скрывалась такая яростная жажда любви, что от нее шалел даже выдавший виды Паролизи.

Уже в первый год их совместной жизни Паоло понял, что в этом восхитительном теле, в этом воплощении красоты средиземноморской женщины, скрывается обыкновенная клуша-домохозяйка, прекрасная кухарка и мать, но никак не любовница.

Тогда в гостинице он занимался любовью неистово и отчаянно и все пытался растормошить ее. Он еще обнимал Меланью, прерывисто дыша в теплое плечо, и кровь, еще не успокоившись окончательно, толчками ходила в виске, как вдруг она, потянувшись, сказала:

– А у нас сыр остался дома в холодильнике, забыла я его маме перед отъездом отдать. Как думаешь, испортится?

А еще считается, что женщины долго отходят после любви! И, взглянув на Меланью, он с ужасом понял, что все то время, пока он бешено рычал и терзал ее восхитительную плоть, она думала об этом сыре, который забыла в холодильнике перед отъездом.

– Давайте перекусим. – Лиза стала накрывать на стол.

Для обеда было еще совсем рано, но сегодня все поднялись ни свет ни заря, да и надо было чем-то заняться. Состояние ожидания, в котором они все находились, становилось невыносимым.

Расставляя тарелки, она все поглядывала на телефон и вздрогнула, чуть было не промахнувшись мимо стола, когда раздалась трель мобильного Паролизи.

Прежде чем ответить, Паролизи посмотрел на экран: номер определился, но был неизвестен. Он держал трубку в руке, но как будто раздумывал, нажимать ли кнопку приема.

Все застыли в тревоге, глядя на Паролизи, и даже маленькая Барбара перестала тискать плюшевого зайца, уставившись на папу.

– Да, я слушаю!

Лиза никогда не видела, чтобы человек мог так стремительно побледнеть и измениться в лице.

– Еду! – Пошатнувшись, он схватился за спинку стула. – У старого бара полиция обнаружила тело женщины, – тихо произнес Паролизи.

Глава 8

Они летели на двух машинах по центральной улице Череновы, и в Лоле снова проснулся дух охотницы, который так давно не посещал ее, – он превращал журналистку в настоящую «бестию». Она всегда сочувствовала жертвам и не переставала поражаться человеческой гнусности, но, когда начиналось расследование нового дела, и события развивались с такой молниеносной быстротой, что за ними почти невозможно было уследить, а прилив энергии и необыкновенного возбуждения доходил до высшей точки накала, она забывала обо всем на свете, кроме своей работы. Это было одно из любимых ее состояний: нервы как будто оголялись, чувства достигали предела, а интуиция и фантазия несли ее к разгадке страшных преступлений.

Они подъезжали к парку, и Стефано снизил скорость.

– Заезжай, заезжай, – повторяла Лола, как будто он мог ее слышать во впереди идущей машине, – в крайнем случае штраф заплатим. Да и не до штрафов сейчас череновской полиции.

Стефано медленно вкатился на аллею. Почти касаясь бампера его автомобиля, Лола следовала за ним. Они проехали киоск, в котором сидел Джузеппе, и журналистка махнула ему рукой в знак приветствия, обогнули бар и углубились в лес. Асфальт закончился, и за поворотом показалась желтая лента, преграждавшая дорогу, и полицейский, маячивший рядом.

– Ну все, приехали! – Она вышла из машины и стала осматриваться.

К ней подбежали Дана и Стефано.

– Что будем делать? Отсюда вообще ничего не видно. – Стефано вопросительно посмотрел на Дану, так как она знала эти места лучше всех. – Где заброшенный бар-то находится? Можно к нему в обход подобраться? Пока я вижу, что полиция только дорогу перегородила.

– Давай попробуем. – И Дана на глазах у удивленного полицейского нырнула в кусты, растущие сплошняком справа от дороги.

Лола и Стефано, треща ветками, ломанулись за ней и чуть было не выскочили на тропинку перед небольшим строением, оказавшимся прямо напротив. Вокруг него уже толпилась полиция. Остановившись в последний момент, они притаились. Тонкие ветки тыкались во все части тела, щекотали уши и нос. Бар был забит досками, имел запустелый вид и также был окружен желтой лентой. Около бара, что-то негромко обсуждая, стояла группа полицейских, еще одна группа сотрудников в белых комбинезонах была частично закрыта зданием, и журналистам пришлось продвинуться дальше вправо, чтобы получить нужный обзор.

Они видели, как белые фигуры, нагнувшись над чем-то, лежащим на земле, сосредоточенно возились с какими-то пакетиками, брали пинцетом пробы земли и растений; двое сидели на корточках, и со спины невозможно было разобрать их действия; тут же осторожно передвигался в бахилах фотограф, быстро щелкая фотоаппаратом.

– Быстро сориентировались, ничего не скажешь, – негромко проговорил Стефано, открывая объектив камеры.

– А вот теперь всем замереть и ни звука, мы же рядом совсем, – тихо скомандовала Лола.

– Да, не хотелось бы нарваться на скандал с полицией, – прошептала Дана, у которой в этом участке было много знакомых.

– Значит, все-таки это она, Меланья, – произнес Стефано, закончив съемку.

– Уверен?

– В объектив увидел черные волосы и джинсовую куртку. – Он повернулся к Лоле. – Помнишь, киоскер говорил, что Меланья была одета в джинсовую куртку?

– Помню. Правда, он не был уверен, что это она.

– Ты все-таки думаешь, это кто-то другой?

– К сожалению, нет. Только пока опознание не произойдет, мы не можем этого утверждать. Я поеду, пожалуй, на студию, а то и правда опоздаю. Тем более что такой поворот собы-

тий – нового материала прибавится. – Лола была уверена, что на Дану и Стефано можно положить. – Я к машине, да и вам стоит передислоцироваться потихоньку, пока вас полиция не обнаружила.

– Успеем еще, уж больно обзор хороший, – не согласился Стефано.

– Жду отчет с места событий, и помните, что у вас не так уж много времени до начала программы. Чао!

Лола аккуратно раздвинула ветки и, стараясь не шуметь, вылезла по другую сторону кустов. Отряхиваясь и снимая колючки со свитера, она заметила, что выезд ей преградил черный «БМВ» с затемненными стеклами.

Только этого еще не хватало! Первым желанием было броситься к черной машине и поколотить по капоту, чтобы заорала сирена, но дверь «БМВ» бесшумно открылась, и оттуда показался высокий мужчина.

– Эй! Эй! Молодой человек! Не уходите!

Мужчина двигался медленно и походил на раненого зверя.

– Да? – Он поднял глаза.

Это был невидящий взгляд – Лола будто заглянула в пустые глазницы мертвеца, и ей показалось, что мужчина не понимает, что делает и где находится.

«Так это Паоло Паролизи, – догадалась она. – Вот это удача! Сейчас свистну Стефано, и еще одно убойное интервью готово!» Но ноги ее как будто приросли к земле, а тело окаменело. Глаза Паролизи, на секунду остановившись на Лоле, стали возвращаться к жизни. И такая безысходная боль сквозила в этом тяжелом взгляде, что она не только не посмела задать ни одного вопроса, но, засмотревшись, чуть не забыла, что он перекрыл ей выезд.

– Давайте поменяемся местами. Мне надо срочно ехать.

«Господи, он вообще понимает, что я с ним разговариваю?»

Паролизи безмолвно стоял у машины. Лола осторожно дотронулась до его плеча.

– Вы меня слышите?

– Что?.. Отъехать?.. Да, конечно... – Наконец, он понял, что от него требуется, и сел за руль. Колеса взвизгнули и, прокрутившись на влажной траве, с такой силой вытолкнули «БМВ» назад, что Лола подумала: «Паролизи в таком состоянии, что с ним может произойти все, что угодно».

Глава 9

Лола возвращалась в Рим, стремительно лавируя между машинами, и, как всегда, думала о работе. Только жуткий взгляд Паролизи как будто преследовал ее и уводил мысли в другую сторону.

С трудом она заставила себя настроиться на деловую волну.

«Полиция, определив, где находится телефон-автомат, так и не нашла никого, кто бы видел звонившего. Так что надо будет срочно связаться с подполковником, который сотрудничает с нашим каналом, попросить его прокомментировать этот звонок и объяснить, какими средствами располагает полиция, чтобы по голосу определить пол, возраст и все остальное, что возможно».

А перед глазами опять вставал Паролизи: как он с грациозностью крупного животного вылезал из машины, как провел рукой по лбу, будто пытаясь снять невидимую завесу, и его неживой взгляд...

«Какого черта! Ну не могу сосредоточиться!» Как только мысли обретали конкретность и складывались в цельную идею, из неконтролируемых закоулков мозга начинал выплывать образ Паролизи.

«Так, это что же со мной происходит? До прямого эфира несколько часов осталось, а я еще толком даже рабочего плана с учетом последних событий не составила!»

Усилием воли Лола заставила себя сконцентрироваться.

«Совсем не факт, что тот, кто звонил, имеет отношение к убийству. Скорее всего не имеет, а просто, испугавшись, решил не объявляться. И все же, если удастся по-умному расспросить этого человека, наверняка на свет всплывет множество новых подробностей, которые пригодятся при расследовании. Надо бы раздобыть эту аппаратуру по распознаванию голоса и привезти ее на студию, и прямо на ней все показать наглядно зрителям, и чтобы это специалист проделал. Успеть бы только всем сотрудникам задания раздать вовремя!»

Лола уже подъезжала к стеклянному зданию пятого канала, когда ей позвонила Дана:

– Паролизи опознал жену!

Несмотря на то что Лола была готова к этой новости, неприятный холодок пробежал по ее спине, и ей опять вспомнилась тяжелая фигура мужа Меланьи.

– Понятно, – выдавила из себя Лола. – Что-то еще удалось заснять?

– Только как Паролизи к старому бару подвели. И то со спины, так как сразу же подъехала новая группа полицейских и устроила второй круг заслона, а нас выдворили к машине. Правда, без каких-либо последствий.

– Как и чем была убита, уже известно?

– Предварительно – да. Восемь ножевых ранений.

– Время смерти?

– Точные данные будут после вскрытия, а пока только примерно: с 14.30 до 16.30 в пятницу.

– В пятницу?! То есть через какие-то час-два, после того как она отошла от Паролизи с дочкой!

– Да. Именно так...

– Господи. Какой ужас... – Холодок опять цапнул за позвоночник, но Лола взяла себя в руки. – Жду ваш видеотчет, и готовься к репортажу с места событий. Выпущу тебя напрямую в программе.

– И вот еще что. – Было слышно, как Дана сделала глоток и проговорила: – Извини, только что кофе принесли, не хочу, чтобы остыл. По местоположению мобильного Меланьи получается, что она из леса не выходила.

– Ясно, – отозвалась Лола, раздумывая над услышанным.

– И последнее – полиция разыскивает этого «грибника», того, что тело нашел, и было бы неплохо, если бы ты на программе об этом заявила и попросила его отозваться каким-то образом, ну и номер телефона дала в эфир. В общем, все как обычно.

– О'кей, сделаем! – подытожила Лола.

Лола успела все, что задумала!

Прямой эфир собирал и натягивал нервы, сердце колотилось, как загнанная лошадь, но мозг подчинялся неукоснительно, и мысли были сфокусированы на деле!

Она дала заранее подготовленные развернутые интервью с жителями Череновы и репортаж с места событий, в котором Дана блеснула разнообразными предположениями.

Их частый гость, подполковник полиции на пенсии, нередко выручавший их программу, и на этот раз не обманул ожиданий. Он полностью отмел гипотезу о маньяке и обратил внимание присутствующих на окружение мужа Меланьи и на их общих знакомых.

Умело останавливая политика, который сам напросился на передачу и все норовил превратить дискуссию о расследовании убийства в парламентские дебаты, Лола дала слово криминологу и психологу, бессменным участникам «Их кто-нибудь видел?». Обсуждая работу полиции, они сцепились языками, да так, что, перейдя на крик и размахивая руками перед носом друг у друга, чуть было не пошли врукопашную, чем здорово позабавили зрителей и саму Лолу, которая, однако, хорошо знала, что они никогда не переступят назначенной черты.

Но основное время эфира Лола посвятила фоноскопической экспертизе. Необходимая программа была в последний момент успешно установлена в студии специалистом из полиции, с энтузиазмом продемонстрировавшим ее в действии и даже предоставившим реальную запись звонка «грибника» в надежде, что кто-нибудь из зрителей узнает звонившего.

Слышимость была очень хорошая:

– Алло! – раздался хриловатый мужской голос.

– Полиция! Дежурный у телефона!

В ответ только частое дыхание.

– Вас слушают, что у вас случилось?

– Я собирал грибы в лесопарке Череновы... – Пауза опять затянулась.

– Да, да, вас слушают. Продолжайте!

– И около старого бара наткнулся на труп женщины.

– Ваша фами... – разговор оборвался, длинные гудки разносились по залу.

Вся студия, включая рабочих, операторов и режиссера, затаила дыхание.

Лола и сама никогда не видела, как проводится экспертиза, и вместе со всеми внимательно следила за экспериментом.

По заключению выходило, что звонил мужчина от 45 до 50 лет, с легким, почти незаметным акцентом, из чего следовало, что, возможно, он не был чистокровным итальянцем; что он очень спешил и скорее всего долго бежал непосредственно перед звонком; что его предположительный рост – от метра семидесяти до метра семидесяти восьми и что на самом деле он никакой не грибник.

Последние два пункта вызвали шквал полемики, и Лола не успевала успокаивать присутствующих.

– Рост не выше метра семидесяти восьми?! Как это определялось?

– На чем базируется это заключение?!

– По-моему, это просто дурная шутка!

Бедный специалист не успевал отбиваться от вопросов, ища поддержки у ведущей. Но Лола вполне устраивала эта ситуация: главное, чтобы не передрались и не кричали все одновременно, а все остальное... Как говорит ее начальство: «Передача прошла живенько!»

Наконец все кое-как успокоились. Сошлись на том, что машина давала «предположительный рост звонившего». По словам эксперта, он зависел от размера грудной клетки, которой аппаратура высчитывала по тембру голоса. Это давало возможность сузить круг подозреваемых.

– Как можно по голосу определить, что человек является или не является грибником?! – Криминолог атаковал следующий пункт заключения. – По-моему, это откровенный обман!

– Если наша полиция будет искать преступников, основываясь на таких безумных утверждениях, то убийцы и жулики могут спать спокойно! – вторил политик, уводя обсуждение в другую сторону.

– Это определяется по вибрации голоса. Данное оборудование одновременно является и детектором лжи. Конечно, у настоящего детектора круг возможностей шире, так как в его распоряжении гораздо больше данных. И все же заключение, что говоривший не искал никаких грибов, нельзя окончательно сбрасывать со счетов. – Специалист смахнул капельки пота, выступившие на лбу.

– Ну конечно! Это возможно так, а это возможно эдак, а вот это вообще никак! Может, гадалку посадим в полицейскую часть на постоянную зарплату? Толку будет больше! Понравится ли это налогоплательщикам – это уже другой вопрос! – с возмущением выкрикнул политик.

«Сейчас перескачет на налоги. Ведь предупреждала, что передача криминальная». И Лола обратилась к технику, направляя дискуссию в нужное русло:

– Насколько мне известно, эта программа очень эффективна в распознавании ложных вызовов?

– Да, да, вы правы! – Эксперт немного успокоился, почувствовав поддержку. – Если фоноскоп подтверждает, что звонивший обманывал, говоря, будто он пошел в лес для сбора грибов, то на восемьдесят пять процентов так оно и есть.

– Не многовато ли – восемьдесят пять процентов? – язвительно произнес политик. – Если так рассуждать, то вы должны с легкостью распознать, убийца этот «грибник» или просто испугался и не хочет связываться с полицией. А может, у него проблемы с законом?! Семьдесят процентов преступлений совершаются приезжими, которых нынешнее правительство вместо того, чтобы депортировать, рассеивает по стране! – Он победоносно посмотрел в камеру.

– Половина из которых без документов! – не выдержал и криминолог.

Специалист по фоноскопической экспертизе смутился от такого напора и растерянно заморгал, оглядываясь на ведущую:

– Восемьдесят пять процентов – это средняя проверенная цифра. А потом окончательный вердикт выносит группа экспертов совершенно разной специальности, а то, что я вам продемонстрировал, является лишь предварительным заключением.

Время передачи подходило к концу, Лола взглянула на девушек, принимавших звонки от зрителей за прозрачной перегородкой – ничего стоящего, что можно было бы дать в эфир, не поступило, что тут же в наушник ей подтвердил помреж.

Предложив «грибнику» и всем, кто видел семью Паролизи в тот день в парке, откликнуться, она назвала телефоны полиции и студии.

Не разрешая выступить политику, продолжавшему нервно подскакивать в кресле, Лола дала знак, чтобы его микрофон отключили, и приступила к заключительной части передачи, подводя итог всему сказанному ранее:

– Меланья найдена мертвой у старого бара в парке, убийца неизвестен и пока даже нет подозреваемых.

Софиты погасли. Лола без сил опустилась в кресло, где только что сидел политик, даже не дойдя до своей гримерки.

– Устала? – Помреж пытался выглядеть участливо. – От высокого начальства салют и поздравления, количество просмотров на «Их кто-нибудь видел?» зашкаливает. Единственное, как-то ты в конце резанула: «Меланья мертва, и подозреваемых нет», – ну слишком безысходно прозвучало.

– Во-первых, в начале программы была высказана куча предположений, а потом...

– Но ты же понимаешь, что это все галиматья беспочвенная от жителей и знакомых, – перебил помреж.

– Вот именно. А у полиции ничего конкретного нет, даже «грибника» этого несчастного не могут вычислить.

– По сути ты права. Но начальник полицейского участка Череновы будет недоволен.

– Но все же понимают, что прошло всего два дня, – возразила Лола, так и не двигаясь с места.

– Два дня с того момента, как Меланья пропала, и только около двенадцати часов после того, как был обнаружен труп.

– Тем более...

– А вот этого не прозвучало. Особенно для тех зрителей, кто смотрит невнимательно или включил на середине программы. Все выглядело так, будто произошло зверское убийство молодой женщины, а полиция не только не хотела лес прочесывать, но даже труп обнаружила только потому, что «грибник» позвонил и место указал.

– А это уже преувеличение. Я очень четко показала, над чем сейчас работает полиция. Дала ясно понять, что для получения результатов анализов, собранных с трупа и с места происшествия, нужно определенное время. Также необходимо время для проведения голосовой экспертизы, а это уже не зависит от действий самих полицейских.

«И почему я должна ему что-то доказывать и разьяснять? – Усталость накатывала на все тело, и Лоле не хотелось подниматься из мягкого кресла. – А помреж сейчас еще и на ужин пригласит под предлогом «поговорить о работе». Вон как тархтит – не остановишь».

Он как будто слышал ее мысли:

– Пойдем поужинаем вместе, заодно о работе поговорим?

«Нет мне никакого покоя! Ну какой ужин! И эта говорильня ни о чем... Передача уже прошла, работу над ошибками могу проделать и без помрежа, если они еще есть... Скорее домой, сделаю салат с тунцом и красную фасоль положу. Открою бутылку «Соаве»... А там и Пино позвонит...»

Помреж продолжал вопросительно смотреть на Лолу. Надо было что-то отвечать.

– Спасибо, но сегодня не получится, очень устала, – и подумав, смягчила: – Как-нибудь в другой раз.

Помреж не обиделся, видно, вспомнил, что последние два дня работала Лола как очумелая.

– Тогда спокойной ночи. Отдыхай.

Лола встала из нагретого кресла. Рабочие еще крутились в полутьме студии, растаскивая железные стойки. Отпустив гримершу и массажистку, она решила, что снимет грим и примет душ дома. Сил не было совсем.

Глава 10

Джузеппе сидел в своем киоске, откинувшись на спинку старенького стула. Внутри было холодно, так как солнце не заходило дальше прилавка. Закрутив шарф поверх высокого ворота куртки, он прикрыл глаза. Народу, как всегда, мало, но все-таки после произошедшего местные стали чаще навещать бар парка, ставший местом встречи для всех, кто хотел поговорить об убийстве Меланьи. Многие специально шли не по короткой тропинке, а мимо киоска, чтобы перекинуться парой слов и с Джузеппе. Вот и сейчас молодая пара, проходя мимо, поздоровалась:

– Привет, Джузеппе. Как дела?

Это было обычное итальянское приветствие, когда на самом деле никому не интересны подробности жизни собеседника, и если бы кто-то все-таки решил всерьез ответить на этот вопрос, итальянцы были бы сильно удивлены и даже озадачены.

– Привет, все хорошо. – Ему очень хотелось поболтать. – Смотрели вчера передачу «Их кто-нибудь видел?»?

– Конечно! Наверное, вся Черенова смотрела.

– Им стоило и нас пригласить: наши дети в тот день допоздна в парке в футбол играли, видели Паролизи и Меланью.

– Тебе бы только в телевизоре засветиться! – насмешливо сказал мужчина.

Джузеппе напрягся:

– Интересно... А что такого видели ваши дети?

– Да, в общем-то, все, что уже известно. Рассказали, как Меланья и Паролизи на детской площадке качали дочку на качелях, потом Паоло один остался с девочкой, а потом он проходил несколько раз и вдали, и рядом с футбольным полем. Правда, у ребят так ничего и не спросил, а они узнали, что случилось, только когда в бар пошли сока попить.

Казалось, Джузеппе хотел еще что-то уточнить, но остановился. Мужчина продолжил:

– Но ты ведь и сам работал в тот день, видели твоё интервью по телевизору. Молодец, четко все рассказал, не то что другие, маньяка какого-то выдумали!

– А я детей одних больше в парк не пушу, да и без тебя сюда не пойду. «Выдумали!» – передразнила она. – А что мы знаем? Меланья-то убита!

– А мне голос «грибника» знакомым показался, весь день потом думал, на кого похож, так и не вспомнил. – Мужчина почесал затылок, будто пытался добраться до нужного воспоминания.

– Что?! Узнал «грибника»?! А мне не сказал?! – Женщина была вне себя и замахала открытой ладонью перед носом мужчины, что, по-видимому, означало: «Да как ты мог мне такое не сказать, болван!»

– Ты слова итальянские понимаешь или нет? Слово «показался» знаешь, что означает? – Мужчина сложил пальцы в щепоть и потряс ими перед лицом женщины.

– А ведь и правда, знакомый какой-то голос. Неужели из наших, из здешних? – встрял Джузеппе. – Я как-то внимания не обратил, а вот сейчас, когда вы сказали, подумал, что и я его где-то слышал. Где же это могло быть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.